

57505
Так

называемая
великая
пролетарская

КРИЧАЩИЕ БАТАЛЬОНЫ

культурная

революция

Китая

вблизи

Г. ЕЛИСЕЕВ, А. КРУШИНСКИЙ, В. МИЛЮТЕНКО

Кричащие батальоны

*Так
называемая
„великая
пролетарская
культурная
революция“
Китая
вблизи*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1967

С тех пор как мы вернулись из Китая, прошло более полугода. За это время «культурная революция», которую правильнее было бы называть контр-революцией, еще четче обнажила свою сущность. Положение в различных районах страны становилось все более напряженным, все более активно включались китайские трудящиеся в борьбу против попыток маоистов установить в стране военно-бюрократическую диктатуру. Сопrotивление курсу Мао Цзэ-дуна приобретало все более широкие масштабы. Даже армия, стоявшая поначалу за спиной опричников-хунвэйбинов, этот главный резерв маоистов, стала расслаиваться, многие ее подразделения повернули штыки против «культурной революции». События в Ухане, Гуанчжоу и других китайских городах отчетливо продемонстрировали всему миру, в каком трудном положении находятся Мао Цзэ-дун и его группа.

В этой книге мы рассказываем о начале пресловутой «культурной революции», о событиях, которые свергли великую и славную страну в хаос и смуту, подвели ее к грани гражданской войны.

Здесь нет вымысла и прикрас. Основу книги составили личные впечатления, короткие разговоры на улице, свидетельства очевидцев, выписки из документов и газет в наших блокнотах.

А в т о р ы

ПО ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВУ СВЕРХУ

В один из майских дней 1966 года семь аспирантов философского факультета Пекинского университета в кинозале студенческого городка вывесили дацзыбао — прокламацию, написанную от руки крупными иероглифами. В прокламации ректор университета Лу Пин был объявлен «антипартийным черным бандитом». Все это выдавалось за личную инициативу учащихся. Однако довольно скоро стало очевидным, что их действия направляются уверенной рукой сверху. Текст прокламации появился в газете

«Жэньминь жибао». Вся пресса КНР открыла шумную кампанию подстрекательства учащихся страны к аналогичным действиям. Для подкрепления усилий пропагандистов в учебных заведениях появились эмиссары по проведению «культурной революции». Их нередко сопровождали большие группы военно-служащих.

У Китая за последние годы неоднократно сотрясался от инсценированных сверху «массовых движений». Он пережил истребление воробьев и плавку стали в самодельных печах, призыв «пусть расцветают 100 цветов» и борьбу против «правых элементов», «большой скачок», народную коммуну, равенство на армию и т. д. Новая кампания значительно превосходила по размаху все предшествующие. Она развивалась с быстротой цепной реакции, так как все было продумано заранее.

Дацзыбао (в университете их количество достигло 100 тысяч) появились на улицах столицы, крупных городов Китая. Загремели гонги и барабаны. В обыденный лексикон втиснулись понятия: «черная банда», «собачьи головы», «современный ревизионизм» и т. д.

Расчетливо подогревая страсти, XI пленум ЦК КПК в первых числах августа 1966 года выступил с призывом разгромить «старую идеологию, старую культуру, старые нравы и старые обычаи». В календарь «великой пролетарской культурной революции» день 18 августа 1966 года вошел как день рождения «красной охраны». Выход Мао Цзэ-дуну на трибуну площади Тяньаньмынь был обставлен, словно явление Будды. Не сказав ни единого слова неистовствующему морю «революционных учащихся», он долго позировал перед кинокамерами. Затем несколько подростков поднялись на трибуну и вручили Мао Цзэ-дуну красную повязку с иероглифами «хунвэйбин» («красный охранник»). Он надел ее и выбросил руку вверх. «Группа хунвэйбинов, — писало агентство Синьхуа, — в восторге воскликнула: «Председатель Мао надел нашу красную повязку! Он утвердил создание нашей красной охраны!»

В действительности первые отряды «красной охраны» сформировались несколько раньше. Прокла-

мации, расклеенные на улицах Пекина, свидетельствуют, что еще 1 августа Мао Цзэ-дун в письме к учащимся пекинской средней школы при институте «Цинхуа» поощрял их на «ниспровержение реакционеров и ревизионистов». Но его явление к «революционным учащимся» 18 августа как бы окончательно санкционировало создание «красной охраны».

18 августа площадь Тяньаньмынь, по определению агентства Синьхуа, «напоминала море красных знамен». Когда митинг окончился, это «море» разлилось по городским улицам.

С этого дня Пекин стал походить на город, куда съехались сотни тысяч молодых людей. Они теснятся на тротуарах, разглядывают витрины, всевозможные объявления и, в сущности, не в состоянии чем-либо занять себя, кроме строевых упражнений и хоровой декламации цитат.

Впрочем, были у них занятия «посерьезнее». По улицам стали водить людей с шутовскими колпаками на голове и черными табличками «бандит», «контрреволюционер», «преступник»; первое время это были преподаватели школ и вузов. Под неистовые вопли хунвэйбины ставили их на колени и били головой о землю. Это называлось «коу тоу» («поклон раскаяния»). Вот как описал все это китайский школьник в письме, переданном советским людям:

«Я несчастный ученик средней школы. В этом году мне исполнилось 18 лет. В «дни избиений» отряд хунвэйбинов ворвался к нам в дом. Хунвэйбины, подстрекаемые соседями, устроили у нас обыск, перевернув все вверх дном. Затем они вызвали мою мать с работы. Когда она пришла домой, устроили ей незаконный допрос и, как фашисты, избили. (Это я перенес тяжелее всего. Они действовали, как стая диких зверей. Каждый из них был вооружен ремнем. Они били мою мать ремнями, и каждый удар, как игла, вонзался в мое сердце.) Они заставили мою мать встать на колени на два кирпича, поставленных стоймя, и били ее больше часа. В результате моя мать потеряла человеческий облик. Затем хунвэйбины погрузили на грузовик и увезли почти все вещи из нашего дома. На чем же нам спать, на чем си-

деть, как жить? Но разве им есть дело до того, будешь ли ты жить или умрешь! Вечером мой отец вернулся из учреждения. Увидев все это, он внешне ничем не выразил своих чувств. Вероятно, желая тем самым успокоить мать, меня и брата. Он только прикрепил на стене по бокам от портрета председателя Мао два изречения Мао Цзэ-дуна. Затем расспросил нас о случившемся. Однако в тот же день вечером наши соседи (все они хунвэйбины) снова набросились на моих родителей. Они грозили им смертью. Хотели той же ночью устроить «собрание борьбы». И только когда моя мать встала перед ними на колени, а отец долго молил, они согласились перенести эту «борьбу» на завтра. В ту же ночь из соседнего двора донеслись крики, свидетельствующие еще об одном избиении. Эти крики продолжались всю ночь. В «период избиений» каждый день убивали десятки, а то и сотни людей. Трупы перевозили автомашинами. Некоторые были убиты, иные сами кончали с собой. Тем же, кто был избит до полусмерти, больницы не решались оказывать помощь и в лучшем случае проводили освидетельствование. В то время считалось: если забили до смерти плохого человека, то так ему и надо, а если забили до смерти хорошего человека, то это лишь недоразумение. И вот в таких чрезвычайных обстоятельствах мои несчастные родители, написав завещание «лучше умереть от своей руки, чем от рук хунвэйбинов», решили покончить с собой.

Обманом выпроводив меня с братом из дому, мои несчастные родители решили умереть, прикоснувшись к электрическим проводам! Однако из-за того, что напряжение было не слишком большим, моя мать не умерла. Тогда она вскрыла себе вены на руке и перерезала вены на шее. Увидев это, хунвэйбины стали ругаться и смеяться. Моей матери опять не удалось покончить с собой. Но, потеряв слишком много крови, она впала в забытие. Я видел, как мои родители лежали на кровати, они были в крови, и одеяла пропитались их кровью. Прошло очень много времени, прежде чем хунвэйбины отправили, наконец, мою мать в больницу, чтобы там зашили ей раны. А когда раны были зашиты, они заставили моего бра-

та немедленно отнести ее домой. Дома один из полицейских сказал мне: «Твою мать отправили в больницу не для того, чтобы спасти ей жизнь, а для того, чтобы иметь рот, способный говорить, и чтобы мы могли разобраться».

Меня хунвэйбины отправили в школьную тюрьму. В то время в ней уже забили до смерти больше десяти человек! Когда я хотел вернуться домой, они стали угрожать мне и говорить, что я стою на реакционной платформе! Но все-таки мне удалось убежать домой тайком. Моя несчастная мать все время плачет и страдает, комнаты, в которых мы жили, опечатаны хунвэйбинами. Когда хунвэйбины узнали, что я вернулся домой, они стали опять орать и ругаться. Потом решили отправить меня, как и некоторых других учащихся нашей школы, в деревню на трудовое воспитание.

Как они относились к нам! Хуже, чем к собакам. Они били нас, когда хотели. Помимо того, что мы каждый день по восемь часов работали под их надзором, они заставляли нас работать еще и еще. По ночам мы не могли спокойно спать, потому что в любой момент тебя могли поднять и выгнать в темноту, во двор, а там заставить «делать упражнения» или трудиться. Душевные страдания и физические муки постепенно подорвали мои силы, но все-таки я все вынес! Я не мог спокойно думать о трагической судьбе моих родителей. Мой доведенный до самоубийства отец был объявлен «контрреволюционером», а мою несчастную мать хотели либо понизить по службе, либо отправить работать в деревню. У меня больше нет сил терпеть все это! Я не могу не обратиться к богу с вопросом: «За какие грехи мы попали в такое положение? Почему так трагична судьба моих родителей? Почему эти хунвэйбины, которые принесли нам столько горя, пользуются защитой закона, а мы ее лишены? Почему в ходе этого движения меня едва не убили? Почему все это?!. И сейчас у хунвэйбинов нет никаких материалов, подтверждающих, что мои родители контрреволюционеры, что они кончали жизнь самоубийством, чувствуя якобы за собой вину. Почему же все так происходит? В ходе движения было убито столько людей, что эти цифры

поражают, но что значат цифры в сравнении с 700 миллионами людей? Ведь китайцев слишком много! Пусть умрут сотни, тысячи, десятки тысяч... Ничего не случится.

Чем больше я думаю о своем будущем, тем более безнадежным кажется оно мне, и я спрашиваю себя: есть ли вообще будущее у таких, как я, молодых людей, выросших в новом обществе? Передо мною тупик. Умереть? Нет! Я еще молод! Я хочу жить! Мне всего восемнадцать!»

В истории еще не бывало, чтобы подобное вершилось под красным флагом. С лозунгом «Долой феодализм!» подростки ломали исторические памятники. С лозунгом «Долой буржуазную идеологию!» уничтожали книги Ромена Роллана, Александра Пушкина, Томаса Манна. С лозунгом «Долой ревизионизм!» громили жилье людей, заподозренных в симпатиях к СССР, избивали палками и электрическими проводами стариков.

Правящая группировка звала всех «бунтарей» причаститься к «революционному делу» в столице. Началось невиданное паломничество в Пекин за опытом столичных хунвэйбинов. В терминологии «культурной революции» это называлось «революционной смычкой».

О том, сколь значительным было число этих

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«...Сейчас в некоторых социалистических странах проявляются элементы национального обособления. Пример крайности этого мы видим в политике и в националистском, великодержавном поведении пекинских руководителей. В отношениях между социалистическими странами мы выступаем против национальной ограниченности, национального обособления, мы выступаем за пролетарский интернационализм, за братское единство и сотрудничество всех социалистических стран.

Мы признаем пролетарский интернационализм и следуем ему в международном коммунистическом движении, в решении возникающих в нем задач, а поэтому мы являемся сторонниками совещаний и консультаций, сторонниками того, чтобы собрать воедино, объединить силы коммунизма против общего врага — империализма. По этому вопросу ныне идут споры. Говорят о том, что «великий» не должен подавлять «малого», «малый» не должен давить на «великого». Мы считаем, что су-

экскурсантов, свидетельствует, например, специальное уведомление ЦК КПК и госсовета КНР от 5 сентября 1966 года, расклеенное на улицах города. Там, в частности, указывалось, что в Пекин для участия в «революционной смычке» могут ехать абсолютно все учащиеся высших учебных заведений страны. Для приезда преподавателей, служащих, рабочих, студентов вузов была установлена норма — один человек на пятьдесят студентов. Что касается учащихся средних школ, то они «ввиду того, что их общее количество очень велико», должны были посылать по одному представителю от каждых десяти. Преподаватели, служащие и рабочие, учащиеся средних школ имеют право посылать одного человека на каждую сотню выехавших в Пекин учеников. Это уведомление обязывало партийные и народные комитеты провинций и городов создать специальные группы, ответственные за организацию этого небывалого по размаху «туризма».

Беспорядочный вихрь хунвэйбинов внес сумятицу в напряженный ритм жизни больших и малых городов. Трудовому человеку стало трудно сесть в автобус или троллейбус — они с утра до ночи были забиты «красными охранниками». На улицах никогда не было так много автобусов и грузовиков — тысячи их изымались из народного хозяйства ради поездок

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

веренитету социалистических стран, их национальной независимости, мирному созидательному труду, возможно более быстрому построению социалистического, коммунистического общества внутри социалистического мира никто не угрожает. Этому угрожает лишь империалистический агрессор, и нам нужно против него бороться.

Отношения между социалистическими странами сейчас не безупречны, внутри мирового коммунистического движения нет полного единства. Но мы

коммунисты, и должны прямо смотреть и на такое положение. У нас есть решение, а именно то, что и в этих условиях нужно теснее сплачивать те силы, которые желают сплотиться против империализма.

*(Из речи первого секретаря
ЦК Венгерской
социалистической рабочей
партии
Яноша Кадара
на VII съезде Венгерского
коммунистического союза
молодежи)*

хунвэйбинов в Пекин. Как отмечал в своем выступлении один из руководителей КНР, 20 процентов всех транспортных средств в республике в те дни занимались обслуживанием хунвэйбинов. Хунвэйбины были довольны: им даровано что-то вроде продленных каникул. Не надо ходить в школу, корпеть над учебниками, слушать нотации учителей. Напротив, именно на учеников была возложена обязанность выявлять среди учителей подозрительных, расправляться с ними, а остальных наставлять на путь истинный.

Все расходы (переезды, питание, ночлег) шли за счет тех, кто продолжал работать.

ХУНВЭЙБИНЫ — НАД РАБОЧИМИ

Со специальной площадки для обозрения на 17-м этаже одного из самых высоких зданий город как на ладони. Шанхай — это полное смешение архитектурных стилей. Кварталы, словно маленькие отпечатки империалистического дележа и эксплуатации Китая в прошлом, придают городу своеобразный и неповторимый колорит.

Прямо у гостиницы река Сучжоухэ, впадающая в необъятно широкую Хуанпуцзян, пестрящую судами всех размеров и назначений. Дымят огромные океанские лайнеры, снуют юркие буксиры, и, подняв разноцветные паруса, не спеша режут волны джонки с искусно выпиленными драконами, львами, рыбами на носу.

Гид, сопровождающий нашу группу, в соответствии с инструкцией еще и еще раз повторяет заученные фразы о хунвэйбинах.

— Они ставят мужество во главу угла, смеют думать, смеют высказываться, смеют действовать, смеют дерзать, смеют совершать революцию.

— А что создают эти юноши и девушки? — интересуемся мы. — У подлинной революции должна быть своя созидательная программа.

Небольшая заминка. Наш собеседник пытается подыскать аргументы.

— Вон видите часы на башне со шпилем? Раньше они отбивали декадентскую мелодию, близкую и понятную эксплуататорам. Хунвэйбины в первый же день потребовали, чтобы эти часы каждые полчаса играли «Алеет восток» — мелодию песни про великого учителя, великого вождя, великого полководца и великого кормчего — председателя Мао. Рабочие в небывало короткие сроки выполнили этот приказ революционных учащихся.

Посмотрим, что еще «созидают» хунвэйбины на китайской земле.

Они, вероятно, испытывают упоительное ощущение всеислия. Эту атмосферу безнаказанности пекинские теоретики кошунственно отождествляют с... Парижской коммуной. Они трубят, что, дескать, через 120 лет у них вновь осуществилась идея «всеобщей демократии», каждый может писать дацзыбао «для свободного высказывания своих мнений». Что же за «мнения» высказываются в прокламациях?

«Поскольку Мао является красным солнцем, которое восходит на востоке, то участники демонстрации должны идти мимо Тяньаньмыня не с востока на запад, как было раньше, а с запада на восток — навстречу солнцу».

«Нас не устраивает название столицы Китая «Пекин», что означает «Северная столица». Ей надо дать имя «Алеет восток».

«Всем фокусникам, которые живут за счет обмана государства, приказываем зарегистрироваться в полиции и прекратить свое фокусничество».

«Конституция КНР — ядовитая трава. Она даже не содержит пункта о том, что каждый обязан изучать и пропагандировать идеи великого председателя Мао».

Вот кому-то приходит в голову обязать велосипедистов держать на руле табличку с изречением Мао Цзэ-дуна. И уже ни один рикша не посмеет выехать без красного картонного квадратика с таким изречением. Но хунвэйбинам уже и этого недостаточно.

«Контрреволюционеры воспользовались призывом установить таблички с цитатами председателя Мао и прикрепили их на правой стороне, а не в центре или

слева, — говорится в одной из дацзыбао. — Тем самым они совершили контрреволюционные действия. Таких нужно вылавливать!..»

Разоблачение «контрреволюционных заговоров» — вторая ведущая тема пекинских дацзыбао после словословий в адрес Мао Цзэ-дуна. В дацзыбао «красные охранники» разоблачили работников зоопарка за то, что они много расходуют на прокорм «таких больших паразитов, как слон», и издательских работников за выпуск какой-то книги. «Ее обложка, — сообщали хунвэйбины, — сделана контрреволюционными элементами с целью пропаганды контрреволюции. На обложке слишком много белого и черного цвета, а мало красного».

И люди спешили избавиться от компрометирующей книжки.

...Однажды мы поехали в один из пекинских пригородных районов, который был переименован в «антиревизионистский» (за то, наверное, что здесь находится сельскохозяйственная коммуна, носившая раньше имя китайско-советской дружбы). В этом районе день и ночь дымят трубы Шицзиншаньского комбината.

На улицах не видно людей, слоняющихся в неестественной оживленности затянувшихся каникул: повсюду усталые лица трудового люда. Здесь почти не увидишь дацзыбао. В воротах солдат с автоматом наперевес.

И в самом городе люди продолжают работать.

Прямо напротив Пекинского педагогического института наше внимание привлек дворик, где на веревках, словно белье на просушке, были развешаны огромные мотки какого-то подобия проволоки. Это оказалась вермишель из гороха — вкусное и недорогое блюдо, которое китайцы употребляют на завтрак и в обед. Юнцы с красными повязками, то и дело дефилирующие мимо этого дворика, поглядывали на работающих людей свысока и даже с некоторой подозрительностью. Ведь хунвэйбинам постоянно внушают, что не рабочие, а именно они, учащиеся, представляют собой самую надежную опору идей Мао Цзэ-дуна. И они уже усвоили, что самой достойной является их деятельность, выражающаяся

в хождении по улицам, в хоровой декламации цитат из «председателя Мао» и в проведении погромов.

То, что группа Мао Цзэ-дуна ищет опоры именно в учащейся молодежи, не случайно. Большинство студентов — выходцы из мелкобуржуазных слоев населения. На всех этапах развития китайской революции учащиеся — эта лишенная опыта борьбы, но зато легко возбудимая и склонная к анархизму часть общества, — использовались и левыми и правыми силами как «горючий материал» для всевозможных взрывов.

Мао Цзэ-дун еще в давние времена умело использовал учащихся для проведения в жизнь своих планов. Он сам начинал политическую деятельность именно в студенческой среде города Чанша. В работе «Направление развития молодежного движения», относящейся еще к 1939 году, он писал: «Молодая китайская интеллигенция и студенчество должны идти в рабоче-крестьянские массы, чтобы мобилизовать и организовать эти широкие массы и крестьян, составляющие 90 процентов населения страны». Это характерно для Мао Цзэ-дуна, который уже в прошлом делал акцент на мелкобуржуазную учащуюся молодежь, поднимал ее из тактических соображений над подлинным авангардом революции — рабочими и крестьянами.

Правые гоминдановцы не менее активно создавали из числа студентов различные организации типа Саньвэньсин (в середине 20-х годов), Саньминьчжуи (в 1938 году) для подавления демократического движения не только в учебных заведениях, но и за их стенами.

У ворот педагогического института особенно много людей. Еще недавно обитателями его общежитий и аудиторий были иногородние хунвэйбины. Но вот вернулись почти все «аборигены», «передававшие опыт» своим сверстникам в других городах. Они отчитываются о своих «победах», выясняют, кто «отвлекался на мелочи», а кто честно проводил «главную линию», выраженную в девизе: «ниспровергать тех, кто облечен властью, но идет по капи-

талистическому пути», «стрелять по штабам», «сжигать неприятельские крепости» и т. д.

В чем конкретно проявляются все эти операции? В одном из центральных кварталов города близ знаменитого парка Бэйхай расклеено особенно много листовок — и рукописных и отпечатанных в типографии. В большинстве своем это депеши хунвэйбинов с доносами на «противников идей председателя Мао», с разоблачениями «черных бандитов» из числа местных партийных руководителей. Встречаются также взаимные перебранки соперничающих «боевых групп». В целом листовки создают картину хаоса, в который ввергнута огромная страна ее лидерами. Картина эта красноречиво иллюстрирует один из тезисов XI пленума ЦК КПК: «Надо сметь и уметь совершать революцию, не бояться беспорядков». На карте КНР нет города, который не оказался бы свидетелем воплощения в жизнь и этой «теоретической установки».

Шэньян. Листовка, подписанная местным «подготовительным комитетом культурной революции» и отрядом «хунвэйбинов имени идей Мао Цзэ-дуна», обвиняет в «злостной контрреволюции» членов «временного комитета культурной революции» и отряда хунвэйбинов с почти не отличающимся названием — имени маоцзэдунизма. Рядом такая же листовка, но уже от имени оппонентов — хунвэйбинов имени маоцзэдунизма, доказывающих, что именно они «самые истинные» защитники идей «великого кормчего» и что контрреволюционеры — «хунвэйбины имени идей Мао Цзэ-дуна». Каждая из этих листовок содержит много ссылок на работы Мао Цзэ-дуна.

Наньцзин. Хунвэйбины восторженно рапортуют, что им, наконец, удалось найти улики, разоблачающие Наньцзинский горком как «черную банду». В окрестностях города, сообщают они, осквернены могилы героев революции. Хунвэйбины с «несокрушимой» логикой уверяют, что сделать это могли только руководители горкома КПК.

Чунцин. Как сообщают тамошние хунвэйбины, горком КПК обратился к населению с призывом «защитить от хулиганов горком, защитить райкомы, защитить партийные организации». В столкновениях

участвовали тысячи людей. «Революционных учащих-ся, — жалуются авторы этой дацзыбао, — там окрестили «фашистами с кровавыми руками», их вылавливают и наказывают как «врагов народа». Авторы дацзыбао призывают подавить «контрреволюционный мятеж Чунцинского горкома».

За скупыми строками всех этих сообщений стоит множество больших и малых человеческих трагедий. И все-таки рабочий человек не бросает своего дела. Неподалеку от стены, где расклеены все эти листовки и где от зари до зари толкуются сотни «революционных учащихся», пожилые рабочие разгружают уголь. По улицам, с трудом одолевая подъем, тянутся грузовые велорикши. Иногда им приходится возить по несколько центнеров груза. Среди рикш встречаются женщины.

Если выехать за город, увидишь, как крестьяне работают на полях. Грузовики и автобусы с хунвэйбинами лихо обгоняют повозки с горами капусты. Таковую повозку часто тянет не мул или бык, а несколько крестьян, впрягшихся в нее. Пока «революционные учащиеся» проводят свои парады и расклеивают на улицах лозунги: «Защитим председателя Мао», «Расшибем собачью башку каждому, кто против председателя Мао», «10 тысяч лет идеям председателя Мао», — рабочие и крестьяне трудятся.

Газета «Жэньминь жибао» писала, что «хунвэйбины внесли вклад в развитие диктатуры пролетариата». Само это утверждение между строк констатирует наличие диктатуры, которую «развивает» не пролетариат, а толпы подростков, одурманенные искусственно насаждаемым фанатизмом. Китайский рабочий класс, по существу, лишен ныне всяких прав. Его политические и профсоюзные организации разгромлены.

Создана абсурдная ситуация, когда не пролетариат воспитывает подрастающее поколение, а, наоборот, бросившие учебу юнцы «воспитывают» трудящихся. Стратеги «культурной революции» усиленно пытаются создать у хунвэйбинов иллюзию, будто те самостоятельны на манер «лихой вольницы». На деле же воинствующих подростков контролирует и направляет армия.

АРМИЯ — НАД ХУНВЭЙБИНАМИ

Хунвэйбины и цзаофани объединены в батальоны, роты, взводы, звенья. Они имеют штабы в провинциях, городах, университетах, школах. С самого первого дня было заявлено, что «красные бунтари» должны стать резервом Народно-освободительной армии.

Если в первые дни после появления хунвэйбинов могло показаться, что они действовали без видимого руководства, то в дальнейшем стало ясно, что «красными охранниками» командуют взрослые люди в военном и штатском.

Вряд ли можно объяснить простым совпадением выходы руководителей «культурной революции» к «революционным учащимся» в военной форме. В костюме цвета хаки теперь щеголяет даже Цзян Цин — супруга Мао Цзэ-дуна, бывшая киноактриса, которую маоисты вывели на политическую орбиту, надо думать, не от хорошей жизни.

День «красного охранника» разбит на две части. Первая — так называемая учеба. Точнее, это неоднократно возобновляемая зубрежка цитат Мао плюс многочасовой рейд по центральным улицам, площадям, бульварам, где уже с рассвета вывешены свежие дацзыбао. Сидя на корточках, стоя в толпе, лежа на тротуаре, хунвэйбины старательно переписывают с них все подряд в свои толстые тетради и блокноты. Это главный капитал, который юные «миссионеры маоизма» должны унести на периферию и с его помощью склонять к исповеданию той же «религии» полуграмотную, а то и вовсе неграмотную массу в деревне.

Вторая половина «рабочего дня» хунвэйбина, как правило, начинается двухчасовой военной подготовкой.

Агентство Синьхуа сообщало: «Каждый день хунвэйбины проходят военное обучение, отрабатывая штыковой бой, стрельбу по мишеням, метание гранаты и другие основные упражнения. Как сообщала печать, для организации военной подготовки «красных

охранников» было выделено свыше 100 тысяч советников из числа военнослужащих.

Ни днем, ни ночью не смыкают глаз города, оккупированные шумным воинством. «Красные охранники» уже не прочь попросить и оружие. Но пока сам премьер увещевает пылких революционеров: «Вы правильно говорите, что вы резерв нашей Народно-освободительной армии. В вашей среде раздаются голоса, чтобы дать вам оружие. Мы не можем этого сделать».

Когда по пекинской улице идут грузовики с хунвэйбинами, среди синих и черных хлопчатобумажных курток в кузове не сразу углядишь две-три военные гимнастерки. Не всегда обратишь внимание и на то, что за рулем такой машины, как правило, сидит военный. В дни парадов хунвэйбинов тысячи солдат казались незаметными по сравнению с миллионной лавиной подростков. Впрочем, как видно из последних сообщений, армия уже не соблюдает нейтралитета в той борьбе против местных партийных органов, на которую Пекин мобилизует учащихся. Она принимала непосредственное участие в сражениях около зданий партийных и провинциальных горкомов, вовлекая тысячи человек с обеих сторон.

В Пекине вывешены дацзыбао с текстом «приказа № 76 военного комитета ЦК КПК» об участии армии в «культурной революции». Командирам и солдатам приказано поддерживать действия хунвэйбинов и цзаофаней. Согласно этому приказу армейские части могут самостоятельно производить аресты, обыски и подвергать людей физическим наказаниям. Впрочем, в нынешних событиях роль армии более серьезна и глубока.

Своеобразным прологом «культурной революции» явилась статья о новой исторической драме «Хай Жуй уходит в отставку», которая была опубликована одной шанхайской газетой в ноябре 1965 года. Эта пьеса, написанная заместителем мэра Пекина У Ханем на сюжет древней летописи о несправедливости императора-самодура к честному и образованному сановнику, была расценена как намек на взаимоотношения Мао Цзэ-дуна с рядом видных деятелей КПК, и в частности с Пын Дэ-хуаем. Погромную рецензию

немедленно перепечатала армейская газета «Цзефанцзюнь бао», взявшая с того момента на себя роль главного арбитра страны. Задачи литературной критики газета сформулировала по-военному: «Надо превратить литературную и художественную критику в своего рода кинжал и гранату, иными словами, овладеть искусством ближнего боя, — писала «Цзефанцзюнь бао» в своей передовой 18 апреля. — ...Нечего бояться, что нас будут обзывать палочниками». В соответствии с этими «принципами» в статье подверглись экзекуции известные китайские писатели, причем одной из главных улик служила их любовь к «русским буржуазным литературным критикам Белинскому, Чернышевскому и Добролюбову».

Вероятно, мало кто из наблюдателей ожидал, что литературно-критический этап «великой пролетарской культурной революции» завершится 3 июня ниспровержением Пекинского горкома КПК. Но газета «Цзефанцзюнь бао» еще за месяц до этого призывала к ниспровержению «авторитетов», которые «пользуются положением, предоставленным им партией и правительством для борьбы против идей председателя Мао». То обстоятельство, что армейская газета «предвосхитила» развернувшуюся в Китае борьбу против «облеченных властью и идущих по капиталистическому пути», не случайно. Именно «Цзефанцзюнь бао» занималась своего рода «теоретической подготовкой» различных акций «культурной революции». Так, например, газета в статье по поводу решений ЦК КПК и госсовета КНР об отмене существующей системы просвещения характеризовала университетскую интеллигенцию как одну из цитаделей «противников идей Мао Цзэ-дуна». Она же сформулировала тезис о «четырех старых и четырех новых» (идеология, культура, обычаи, нравы) за два с половиной месяца до того, как хунвэйбины с официального благословения принялись ломать памятники старины, древние скульптуры и ставить на их место портреты и бюсты Мао Цзэ-дуна, а также доски с его изречениями.

Верная своей роли рупора «культурной революции», армейская газета в передовой статье 9 июня

1966 года описывала тех, кто является объектом борьбы: «У них обличье человека, а душа дьявола. В лицо они говорят по-человечьи, а за спиной подьявольски. Это волки в овечьей шкуре, улыбающиеся тигры, пожирающие людей. Они часто прикрываются фразеологией марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэ-дуна, чтобы сбывать буржуазные, ревизионистские черные товары». Газета имела в виду тех, кто осмеливался усомниться в магических свойствах цитат Мао Цзэ-дуна.

А вот как сформулировала газета цели этой политической кампании: «Самая основная задача великой пролетарской культурной революции состоит в живом изучении и живом применении идей Мао Цзэ-дуна, популяризации идей Мао Цзэ-дуна и внедрении их в сознание широких масс рабочих, крестьян и солдат».

Если армейская газета — главный рупор «культурной революции», то сама армия ныне главная база культурной революции. Именно здесь раньше чем где бы то ни было начались репрессии против инакомыслящих. Именно здесь в приказном порядке стали всех принуждать зубрить цитаты из Мао.

Славную Народно-освободительную армию Китая, прошедшую героический путь борьбы против империалистов, реакции и деспотизма, ныне именуют «школой идей» председателя Мао. Министр обороны Линь Бяо получил официальный статус «лучшего ученика председателя Мао». Газеты неизменно рекомендуют его своим читателям как «ближайшего соратника» Мао Цзэ-дуна. В листовках и дацзыбао нынешняя роль министра обороны в стране определяется еще более откровенно, и нередко он противопоставляется другим лидерам КНР. Например, в дацзыбао, вывешенной в конце октября 1966 года от имени учащихся Пекинской политико-юридической академии и китайского отделения организации международных хунвэйбинов, говорилось: «Товарищ Линь Бяо поднял в армии великое красное знамя идей председателя Мао, он каждому указал, как изучать произведения председателя Мао, каждого вооружил красной книжкой с цитатами председателя Мао».

Министр обороны возведен в ранг высшего после Мао Цзэ-дуна авторитета. Сам Мао Цзэ-дун не произнес ни одной речи на парадах хунвэйбинов, которые начиная с 18 августа стали регулярно проводиться на площади Тяньаньмынь. От его имени хунвэйбинов приветствовал министр обороны. Сейчас военные сконцентрировали в своих руках значительную часть государственных постов. Не случайно и то, что редакция «Жэньминь жибао» наполовину переукомплектована сотрудниками армейской газеты.

На параде хунвэйбинов, состоявшемся 3 ноября, Линь Бяо, обращаясь к двум миллионам юношей и девушек, назвал «культурную революцию» «новым опытом развития широкой демократии».

Идеологически эта «широкая демократия» ограничена рамками сборника цитат Мао Цзэ-дуна и обязанностью «беспредельно верить в идеи председателя Мао, беспредельно преклоняться перед идеями председателя Мао». Организационно она ограничена рамками армейских уставов и указаний министра обороны.

Сейчас уже отчетливо вырисовалась роль, которую стратеги «культурной революции» отвели армии. Как свидетельствуют факты, командная роль в идеологических вопросах и в непосредственном управлении страной отводится представителям армии. Неспроста в КНР сейчас стала модной теория «об обострении классово-борьбы при социализме» и широко пропагандируется «идея» председателя Мао: «Винтовка рождает власть». В противоположность марксистско-ленинским положениям о том, что в социалистическом обществе армия выполняет главным образом функцию защиты общества от внешних врагов, нынешние лидеры КНР стремятся максимально усилить внутренние функции армии.

Итак, хунвэйбины — над пролетариатом, армия — над хунвэйбинами, группа Мао Цзэ-дуна — над армией (в том числе его супруга Цзян Цин в конце 1966 года вошла в Комитет по проведению «культурной революции» в армии). Таковую пирамиду никак не назовешь «диктатурой пролетариата». В словосочетании «великая пролетарская культурная революция»

чудовищным кощунством звучит слово «пролетарская». Непроходимая пропасть лежит между интересами тех, кто направляет нынешние события в КНР, и интересами пролетариата. Эта пропасть проявляется не только в том, что поездки миллионов подростков осуществляются за счет трудящихся, и не только в том, что пролетариат отстранен от руководства политической жизнью страны. Эта пропасть проявляется и в прямых столкновениях пролетариата с хунвэйбинами.

ПРОЛЕТАРИАТ В ОБОРОНЕ

Если в первое время после создания организации хунвэйбинов китайская пресса единственно достойным внимания объектом считала «революционных учащихся», то позже она стала все больше и больше внимания уделять положению в промышленности и сельском хозяйстве. Без конца сообщалось о том, как заводы и народные коммуну под влиянием «культурной революции» стали добиваться необыкновенных производственных успехов. Однако чем можно объяснить бесчисленные увещевания тех же газет по поводу того, что «производство нельзя останавливать»? Почему «революционных учащихся» стали публично предостерегать против вмешательства в дела предприятий? Зачем, наконец, понадобилось перебрасывать воинские части на сельскохозяйственные работы?

«Культурная революция» оказала на производство весьма неблагоприятное влияние. Во всех крупных промышленных центрах КНР происходили столкновения хунвэйбинов с рабочими. В одних случаях они вспыхивали, когда рабочие защищали партийные органы. В других случаях хунвэйбины непосредственно вторгались на территорию предприятий с целью насадить там свой «новый порядок». Например, как рассказывалось в дацзыбао, тяньцзиньские хунвэйбины ворвались на один из заводов, где укрылись ректор и секретарь партийной организации местного университета. Разгорелась массовая драка. Хунвэйбины поломали несколько станков, имеющих

оборонное значение. Некоторые при этом выкрикивали лозунг: «Рабочие — враги революции». В том же Тяньцзине одного из рабочих пекинские хунвэйбины избили только за то, что в помещении, где он находился, обнаружили портрет Мао Цзэ-дуна с трещиной на рамке.

Такого рода баталии, естественно, не входили в планы стратегов «великой пролетарской культурной революции». И «революционным» учащимся было срочно дано указание, чтобы они не вторгались на заводы. «Иначе что есть будем?» — не без резона заметил на одном из митингов премьер Чжоу Энь-лай. Однако влияние «культурной революции» на производство не прекратилось.

Перепечатанная типографским способом дацзыбао из центра китайской фарфоровой промышленности города Цзиндэчжэня, повествует о смуте на одной из фабрик. В разгар рабочего дня там раздался сигнал, как при пожаре. Рабочие оставили станки и бросились к огнетушителям. Оказалось, что горком КПК просил о защите. Рабочие без промедления отправились к горкому и, обнаружив бесчинствующих юнцов, изрядно помяли им бока. Однако вышестоящие органы обвинили горком в «зажиме демократии» и в противодействии «культурной революции». В последующие дни юнцы стали усердно разыскивать рабочих, защищавших горком, заставляя их публично каяться.

В Чанша произошел такой эпизод: хунвэйбины увели членов одной из пригородных коммун в город для участия в мероприятиях «культурной революции». Их не смутило, что ущерб от этой «революционной акции» составил приблизительно один миллион цзиней зерна (500 тысяч килограммов).

Одна из пекинских листовок рассказывает о событиях на столичной шерстоткацкой фабрике. Здесь, как пишут ее авторы, образовались две группы, из которых каждая уверяла, что именно она является «истинной защитницей идей председателя Мао». К одной примкнуло тридцать членов КПК, к другой — двадцать. Некий Хун Шэн захватил под контроль заводской медпункт и стал в виде поощрения выдавать своим сторонникам медицинские справки. Он

составил черный список «правых элементов», куда зачислил несколько сот рабочих этой фабрики, и сформировал «отряд избития собак». В листовке сообщается, что, маскируясь под защитников идей председателя Мао, хунвэйбины занимались хищением государственного имущества. В одном из окраинных районов Пекина, переименованном ныне в «район борьбы с ревизионизмом», можно было увидеть рукописную дацзыбао, в которой выдвигается аналогичное обвинение против работницы обувной фабрики: «Она расклеивала дацзыбао, провоцировала массы против масс. А сама похитила 30 килограммов кожи и 89 одеял».

По-видимому, атмосфера иступленного поклонения идеям Мао Цзэ-дуна создала условия, при которых довольно легко разным проходимцам прослыть «левыми элементами», сделать карьеру или свести с кем-то старые счеты.

Столкновения произошли в Шанхае.

В январе 1967 года агентство Синьхуа сообщило, что там прекратили работу многие промышленные предприятия, прервалось железнодорожное сообщение, возникли заторы на шоссежных дорогах и в порту. Хунвэйбины, получив указания руководителей «культурной революции», начали в Шанхае широкое наступление на всех «инакомыслящих». Они захватили силой редакции газет «Вэньхуэй бао» и «Цзефан жибао», обвинив их в проведении «буржуазной линии». Следует отметить, что попытки захватить редакции шанхайских газет предпринимались хунвэйбинами и раньше, но тогда рабочим удавалось отстоять их, отбив атаки.

Затем хунвэйбины составили «экстренное уведомление», пытаясь заставить рабочих отказаться от требований улучшить материальное положение трудящихся. Признавая, по существу, ненормальное положение с зарплатой и жилищными условиями рабочих, авторы «экстренного уведомления» предлагали вопросы, связанные с «урегулированием зарплаты, доплатой и улучшением материально-бытового положения», решить после «культурной революции». Уведомление угрожало немедленными арестами всем, кто рискнет выступить против Мао Цзэ-дуна, Линь

Бяо и группы по делам «культурной революции» ЦК КПК.

В специальном послании «экстренное уведомление» расценивалось как «поистине великолепный» документ.

В январе в Пекине появились многочисленные дацзыбао о кровавых событиях в Нанкине. Там «красные охранники», выступив с яростными нападками на провинциальный партийный комитет, встретили отпор рабочих. В столкновениях приняло участие свыше 100 тысяч человек. Среди них были нанкинские железнодорожники, рабочие из Шанхая и Уси. В ход были пущены кирпичи, столы, стулья, учебные гранаты, огнетушители, кипятки. Санитарные машины и грузовики, прибывшие на место столкновения, не успевали вывозить убитых и раненых и обезображенных пытками людей — с отрезанными носами, ушами... В результате столкновения было прервано движение поездов на магистрали Пекин — Шанхай.

Центральная китайская печать и распространяемые хунвэйбинами материалы усиленно уговаривают рабочих «не обращать внимания на плохие условия жизни» и «не считаться с затратами труда». Для тех хозяйственных руководителей, ответственных партийных и государственных работников, которые отстаивают интересы рабочих, хунвэйбиновская печать изобрела презрительную кличку «защитники экономизма».

Требование трудящихся об улучшении материального положения расценивается в нынешнем Китае как государственное преступление. «Экстренный при-

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«Как же мы можем не считать опасной позицию китайских руководителей, которые продолжают упорно отказываться от союза с другими социалистическими странами, чтобы помочь вьетнамскому народу в его борьбе против американских агрессоров?»

Как же мы можем не считать противоречащими проле-

тарскому интернационализму непрерывные нападки на Советский Союз?

Как же мы можем не возмущаться, когда видим, как китайские руководители всячески стараются создать против коммунистических партий капиталистических стран раскольнические группы и, чтобы завербовать кое-кого на свою

зв» так называемого «пролетарского революционно-го комитета министерства водного промысла», опубликованный в газете «Жэньминь жибао», гласит: «Необходимо прекратить действия, направленные на повышение заработной платы рабочих и служащих, улучшение материально-бытовых условий, осуществление дополнительных выплат, разного рода дополнительной помощи и т. д.».

Методы штурмовых отрядов хунвэйбинов используются и для наступления на социальные завоевания китайского пролетариата. Один из эпизодов этого наступления — «разоблачение» писателя Ша Тина. Ша Тин несколько лет назад написал новеллу про руководителя, который заботится о подчиненных. В ней рассказывается, как председатель большой сельскохозяйственной производственной бригады (так в Китае сейчас именуются кооперативы), досрочно выпившись из больницы, возвращается в деревню и узнает, что в его отсутствие несколько женщин тяжело заболели из-за внеурочной ночной работы. Не скрывая своего огорчения, он настаивает, чтобы заболевшим дали возможность полечиться. Ныне эта новелла стала одной из главных улик для зачисления Ша Тина, председателя федерации работников литературы и искусства провинции Сычуань, главного редактора журнала «Сычуань вэньсюэ», в списки «антипартийных черных бандитов». Вот как интерпретировала поведение героя этой новеллы газета «Сычуань жибао»: «Он без всякого разбора критиковал, упрекал, иронически высмеивал руководителей работников бригады, он даже вызвал своего замести-

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

сторону, не колеблясь, используют материальную заинтересованность, значение которой они, однако, отвергают в качестве стимула роста производительности труда в социалистическом обществе? Кроме того, как мы можем соглашаться с тем, что китайские руководители стремятся стать судьями над другими коммунисти-

ческими партиями, давать им уроки и считать их «ревизионистами», потому что эти партии справедливо считают, что могут лучше других, руководствуясь принципами марксизма-ленинизма и национальным и международным опытом, разрабатывать политику, отвечающую требованиям ситуации в их странах, в то время как

теля и прямо в глаза осудил его... Отсюда видно, что он досрочно выписался из больницы отнюдь не для того, чтобы горячо включиться в производство, а чтобы нападать на массовое революционное движение и под ширмой заботы о массах порочить большой скачок». Объявив героя новеллы реакционером, газета жестоко осудила и самого автора... «Устами своего героя, — писала она, — Ша Тин заявил: «У вас впереди долгая жизнь, сейчас загубите здоровье, останется наблюдать жизнь со стороны». Этим он хотел охладить горячий энтузиазм масс!» Завершая свое расследование, газета объявила, что Ша Тин сочинил злополучную новеллу «ради реставрации капитализма» и что он координировал свои действия с «империализмом, современным ревизионизмом и реакцией всех стран».

То, что элементарная забота об условиях жизни человека возведена в ранг «контрреволюции», не случайно. Через три дня после опубликования этой рецензии одна столичная газета уже разоблачала аналогичный «заговор». «В преступных целях реставрации капитализма они (речь идет о смещенных месяцем ранее работниках Пекинского горкома КПК. — Авт.) насаждали на промышленных предприятиях материальное стимулирование, — негодовала газета. — На некоторых заводах и шахтах их тлетворное влияние пустило глубокие корни... Раньше, когда имелась возможность получить премию за перевыполнение плана, рабочие «нажимали», а когда такая возможность не складывалась, трудились с малой отдачей. Теперь рабочие признают, что мате-

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

китайские руководители отнюдь не заботятся об этом?

Сегодня в Китае любого активиста коммунистической партии могут назвать «ревизионистом», и тогда ничто не сможет защитить его от безумств элементов, которые мечтают о том, чтобы нынешняя ситуация приобрела апоплексический характер. К внутренним

«ревизионистам» вдохновители «красных охранников» добавляют еще внешних «ревизионистов» и в первую очередь КПСС. Великая страна Ленина, которая строит коммунистическое общество, является объектом отвратительной клеветнической кампании, сочетающейся с восхвалением шовинизма. Это подстрекательство

риальное стимулирование равносильно «уколам морфия» для их здоровья. С корнем вырвать этот ядовитый стимул!.. Теперь, если возникает потребность, рабочие воодушевляются чтением статей председателя Мао, после чего обязательно приходит небывалый прилив сил».

Наступление на премиальную систему зарплаты не является неожиданным, оно имеет свои истоки. Премиальная система стала распространяться «в период урегулирования», который начался в 1961 году и был призван привести в порядок экономику страны после хаоса, внесенного так называемым «большим скачком». Эти премиальные надбавки не велики, но их регулярно получало 80—90 процентов рабочих. А когда средняя зарплата 50—55 юаней в месяц, то несколько юаней не пустяк. Отмену этой надбавки пекинские демагоги мотивируют «идейными соображениями». Например, в марте 1966 года газета «Жэньминь жибао» перечислила «пять опасностей материального стимулирования, из которых первая — «загнивание идеологии рабочих», вторая — «дурное влияние на сплоченность рабочих». Двумя месяцами ранее журнал «Лаодун» (орган министерства труда) восторженно описал «эксперимент» на одном руднике, где отменили плату за дополнительный труд рабочих по переноске ящиков. «Интерес бригады к этой работе не уменьшился, а еще более возрос! Какой бы горячей ни была горная порода под ногами и как бы много ни было грязной воды, они без звука об усталости один за другим возвращали на склад ящики из-под взрывчатки», — утверждал журнал. В том

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

шовинизма может принять большие масштабы, так как американские империалисты и те, кто их поддерживает, необоснованно держат народный Китай вдали от сообщества наций.

Великий китайский народ переживает трудные времена, но мы хотим надеяться, что он найдет в себе необходимые

силы, чтобы изменить создавшееся положение. И день, когда КПК сможет не стоять больше в стороне от других братских партий, будет радостным днем для коммунистов всего мира.

*Жак Дюкло,
«Юманите»,
Париж*

же номере передовая статья, озаглавленная «Революционизировать работу в области труда и зарплаты», давала рекомендацию: «Твердо проводить систему целесообразно низкой заработной платы».

А БУРЖУА ПРОЦВЕТАЮТ...

«Великая пролетарская культурная революция» создала удобные условия для широкого внедрения этой «системы». По имеющимся сведениям, промышленные предприятия одно за другим отменяют премиальные надбавки: как они утверждают, эти трудовые юани рабочего представляют собой «серьезную потенциальную угрозу реставрации капитализма». А в то самое время в Китайской Народной Республике капиталисты живут и благоденствуют!

Их можно встретить на официальных приемах, куда они приходят в куртках и штанах точь-в-точь таких же, какие носит Мао. Они бродят среди гостей, отвешивая глубокие поклоны иностранным дипломатам, и с огромным знанием предмета рассказывают о деликатесах китайской кухни. Американский профессор Барри Ригмен, недавно вернувшийся из поездки по КНР, утверждает, что в Китае 300 тысяч семейств капиталистов.

Как известно, в отношении национальной буржуазии в Китае не осуществлялась немедленная экспроприация, а была принята политика постепенного преобразования капиталистической промышленности и торговли в социалистическую. Государство предложило капиталистам «выкуп» в размере 2,8 миллиарда юаней. На первом этапе частные предприятия преобразовались в смешанные государственно-частные. В начале 1956 года было проведено поотраслевое преобразование всей частной торговли и промышленности в социалистическую. В специфических условиях Китая это сыграло положительную роль. Блок рабочего класса с национальной буржуазией, сложившийся еще до победы революции, был сохранен и закреплен в рамках единого народно-демократического фронта.

Однако когда почти всех партийных работников обвиняют в «следовании по капиталистическому пути», когда тот или иной штурмуемый хунвэйбинами горком КПК объявляется «цитаделью капитализма», полная безопасность и процветание капиталистов действительных выглядит как парадокс. Впрочем, парадокс лишь словесный, ибо контрреволюционная сущность «культурной революции» ясна сегодня каждому коммунисту.

Правда, в августе 1966 года кое-кто из хунвэйбинов потребовал было прекращения выплаты пятипроцентной компенсации и высылки из городов «в течение 12 часов» всех тех, кто живет на нетрудовые доходы. Однако выступивших с этими требованиями одернули сверху. Сам премьер Чжоу Энь-лай указал хунвэйбинам, что крупная национальная буржуазия не подлежит их компетенции. Всякие разговоры об изменении статуса национальной буржуазии прекратились.

Вот вам и принцип «не забывать о классовой борьбе», вот вам и девиз: «Политика — командная сила!» Впрочем, за всем этим кроется действительная политика. Согласно ей лидеры КПК демонстрируют откровенную заинтересованность в максимальном ухудшении межгосударственных отношений с СССР и другими социалистическими странами и одновременно заигрывают с монополиями Японии, Западной Германии и других империалистических стран. Согласно этой же политике гражданин СССР рассматривается в Китае как «нежелательный иностранец». Аккредитованные здесь советские журналисты так и не получили разрешения хотя бы на экскурсионную поездку в Шанхай. Туристам из СССР и ряда других социалистических стран не вручается специальный знак «гость Китая», который гарантирует безопасность от «красной охраны». Зато перед бизнесменом Запада здесь гостеприимно распахиваются любые двери. И согласно той же политике здесь находят более удобным отобрать по юаню у миллиона рабочих, чем миллион юаней у одного капиталиста.

При политике «целесообразно низкой зарплаты» в Китае все еще взимается плата за обучение, за медицинское обслуживание. В городах действует систе-

ма, по которой каждое предприятие полностью оплачивает лечебные расходы своих рабочих и служащих и в размере пятидесяти процентов расходы на лечение их ближайших родственников. Что за этим кроется? Вот характерный пример. У одного пекинского шофера заболела воспалением легких мать, болезнь усугубилась осложнением на почки. Пролежав двадцать восемь дней в пекинском госпитале «Сехэ» и перенеся несколько операций, женщина скончалась. А рабочему предъявили счет на 1429 юаней 69 фыней (не считая питания). Половину этой огромной суммы рабочий должен выплачивать из собственного кармана. Что же касается крестьян, то они полностью оплачивают любые медицинские расходы.

«Годовой доход крестьян не достигает уровня месячной зарплаты рабочего», — писала газета «Наньфан жибао» от 12 октября 1964 года. Год спустя та же газета опубликовала сведения о том, что в коммуне Байту уезда Гаояо провинции Гуандун у девяти десятых крестьян доходы от коллективного хозяйства за весь 1965 год составляли 80 юаней, а у некоторых даже 40 юаней. «Жэньминь жибао» однажды признала, что крестьяне лишь в самых крайних случаях обращаются к врачу. «Иногда дети бедняков и низших середняков не в состоянии внести плату за обучение, купить книги и канцелярские принадлежности», — констатировал журнал «Цайчжэн» в четвертом номере за 1966 год.

— Прошло семнадцать лет после победы революции, а в КНР еще не введена система отпусков для рабочих, сохраняется карточная система на рис, растительное масло и другие виды продовольствия, на хлопчатобумажные ткани.

Все это нужно как-то объяснить, оправдать. Одна из пропагандистских линий в этом направлении заключается в том, что бедность объявлена высшей добродетелью, аскетизм — главным моральным принципом. И вот печать рекомендует людям приспособляться для жилья пещеры. «Гунжэнь жибао» за 19 апреля 1966 года проводит диспуты на тему о том, отвечает ли «нормам пролетарской морали» поступок юноши, который за собственные деньги «купил стеклянный стакан новой формы и поставил его на

рабочий стол, чтобы пить из него чай, а старый стакан поставил у кровати».

Чтобы оправдать как-то низкий уровень жизни в КНР, пропагандисты Мао Цзэ-дуна всячески шельмуют жилищное строительство в Советском Союзе, заботу о здравоохранении в нашей стране, соблюдение принципа материальной заинтересованности. Все это квалифицируется как «буржуазные тенденции», «попытки реставрировать капитализм».

Необходимость мириться с лишениями обосновывается тем, что китайский народ должен идти на жертвы «ради двух третей человечества, еще не добившихся освобождения».

„БОЛЬШОЙ СКАЧОК“ НАЗАД

Как известно, первая пятилетка КНР (1953—1957 гг.) благодаря энтузиазму народа, благодаря активной помощи со стороны Советского Союза была успешно выполнена. Открывались перспективы нового строительства, которое требовало научного, марксистско-ленинского подхода к изучению и использованию объективных законов развития экономики и культуры Китая.

Однако руководители Китая, движимые чувством великодержавного национализма, сознательно пошли на нарушение объективных экономических законов и законов развития общества. В тот период была выдвинута линия «3 красных знамен» (1-е — генеральная линия: напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу: больше, быстрее, лучше, экономнее; 2-е — народная коммуна; 3-е — большой скачок).

Эта политика Мао Цзэ-дуна, направленная на удовлетворение его честолюбивых стремлений, была введена в действие в 1958 году, несмотря на несогласие значительной части партийного и хозяйственного актива. Одна из целей «культурной революции» — это попытка разрядить внутреннюю напряженную обстановку, сложившуюся в результате провалов этой линии Мао Цзэ-дуна, которые повсеместно породили

оппозицию. Такая политика привела страну к изоляции, к резкому падению престижа Китая на внешнеполитической арене, к продолжительному экономическому застою. Хотя в последнее время никаких статистических данных не публиковалось, а официальные заявления делались крайне редко, все же просачиваются сведения о том, что Китай в производственно-техническом отношении близок к тому рубежу, который был им достигнут перед «большим скачком» в 1958 году. «Большой скачок», отказ от экономической помощи СССР обошлись Китаю в восемь бесплодно потерянных лет. Ныне Китай дальше от намеченной цели, чем накануне «большого скачка» и народных коммун.

Вот некоторые цифры, свидетельствующие о состоянии экономики Китая. Выплавка стали в 1964 году составила 8—11 миллионов тонн — значительно меньше, чем в 1959 году. Теперь ее производство, по видимому, приближается к 12 миллионам. Добыча угля, которая в 1959—1960 годах составляла 300—400 миллионов тонн, достигла лишь до 220 миллионов тонн. В 1959—1960 годах получено было электроэнергии 40—55 миллионов киловатт-часов, в 1964 году — 35 миллионов киловатт-часов.

Сельское хозяйство Китая также не успело оправиться от катастрофических последствий «большого скачка» и политики народных коммун. По неофициальным данным, производство зерна составило в 1965 году примерно 180 миллионов тонн, что ненамного превышает средний уровень производства в пятидесятых годах (172 миллиона тонн в среднем за период с 1953 года по 1957 год). Сегодня страна в значительной мере зависит от импорта пшеницы, на которую затрачиваются крупные средства, столь необходимые для ее промышленного развития. Сумма, которую в 1966 году истратил Китай для закупки пшеницы, достигает примерно 430 миллионов долларов.

Сегодня в Китае поговаривают о новом «большом скачке». Но сомнительно, чтобы эти идеи воплотились в какие-либо конкретные планы.

Те партийные работники, общественные деятели и литераторы, которые осмелились в той или иной

форме критиковать «большой скачок» 1958 года, подвергаются теперь особенно яростным нападениям. Жертвами «пролетарской культурной революции» оказались даже представители китайской технической интеллигенции, обвиненные в «консерватизме», в «выпячивании техники», в «разнузданной борьбе против энтузиазма масс, ставящих на первое место труды председателя Мао».

«Контрреволюционер» и «черный бандит» Чжао Шоу-и (второй секретарь партийного комитета провинции Шэньси) обвинялся, в частности, в том, что некоторые его высказывания можно толковать как одобрение советских методов хозяйствования, именуемых в китайской прессе «ревизионистскими» и «капиталистическими». Стремление вести экономическое строительство на основе реального учета условий и соблюдения принципа материальной заинтересованности ставится в вину многим из тех, кто «облечен властью, но идет по буржуазному пути». Стратеги китайской «культурной революции» натравливают на них хунвэйбинов. Речь идет не только о секретарях партийных горкомов, но и о многих ответственных работниках центрального аппарата КПК. В этом смысле характерны нападки на Сунь Е-фана, старого члена КПК, который еще недавно занимал пост директора Института экономики при Академии наук КНР. Его высказывания против идеалистической концепции «сознание определяет бытие», его требование учета объективных экономических законов социализма газета «Жэньминь жибао» расценила как «стремление реставрировать буржуазный строй». Вся эта статья полна антисоветских выпадов. Сунь Е-фан провозглашен «буржуазным агентом, защитником наемных ученых советского ревизионизма и капиталистических монополий».

Экономическая политика руководства КПК, которая в период «большого скачка» совершенно дезорганизовала народное хозяйство, постоянно встречала резкую критику внутри страны. Вот некоторые высказывания компетентных китайских специалистов:

«Из-за «большого скачка» китайцы остались без штанов» (один из руководителей отделения общественных наук АН КНР У Хуа-ци).

«Крестьяне потеряли веру в коллектив... Когда восемь ударов из десяти при возделывании пашни приносят пользу неизвестно кому, откуда возьмется активность?» (заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК Линь Мо-хань).

«Отрицание объективных экономических законов — это авантюризм» (проректор Чжэнчжоуского университета Го Сяо-тянь).

В противовес этим критическим высказываниям специалистов агентство Синьхуа провозгласило 8 сентября 1966 года следующее: «Ныне вся страна представляет собой картину бурного революционного кипения. Складывается обстановка нового всеобщего скачка».

Таким образом, становится очевидным, что в ходе «великой пролетарской культурной революции» ее стратеги намерены окончательно отвергнуть методы хозяйствования, основанные на учете объективных законов социалистического общества.

ГОРОД — ДО УРОВНЯ ДЕРЕВНИ...

Излагая содержание своих прожектов, лидеры КПК используют марксистскую терминологию. «Отказ от методов организации производства (принятых во всех социалистических странах и весьма успешно применявшихся в самом же Китае до 1958 года) пропаганда КНР теперь пытается объяснить тем, что «производственные отношения уже отстали от развивающихся производительных сил», и задача дня — «освободить производительные силы». Какова же мощь производительных сил в китайском сельском хозяйстве? Специалисты считают, что, хотя на полях Китая работает в 15-кратном исчислении 130 тысяч тракторов, только 10 процентов пахотных земель обрабатывается машинами. Соха, лопата, мотыга и серп — основные сельскохозяйственные орудия китайских крестьян.

«В сельском хозяйстве мы еще базируемся на ручном труде и применении рабочего скота, оставаясь на уровне производительных сил династии

Цинь, правившей Китаем в 246—207 гг. до н. э.», — говорил бывший директор Института экономики АН КНР Сунь Е-фан, ныне ошельмованный хунвэйбинами. Посмотрим теперь, как и от чего здесь «освобождаются» производительные силы. В статье журнала «Лаодун» о горняках, «освобожденных» от добавления к зарплате за переноску ящиков, были такие слова: «Ведя сражение, много ли денег требуют бойцы НОАК от государства?»

Приписываемая самому Мао Цзэ-дуну формула «всей стране учиться у НОАК» выразилась на практике не только в военизации учащихся, превращенных в организации хунвэйбинов. «Гунжэнь жибао» (в переводе «Рабочая газета») в своих передовицах рекомендует «создавать отряды рабочего класса по принципам строительства НОАК», требует, чтобы рабочие и служащие страны стали «освободительной армией, не одетой в военную форму».

Это, как видно, необходимое предварительное условие для повсеместного внедрения одной заветной идеи пекинских теоретиков — системы труда «и рабочий и крестьянин». По сообщениям китайской печати, эта система уже два с половиной года экспериментально осуществляется в тридцати отраслях народного хозяйства: горнорудной и лесной промышленности, в строительстве, на транспорте, на текстильных предприятиях, на фабриках по переработке сельскохозяйственного сырья и других. Суть ее в том, что взамен постоянных рабочих предприятия по контрактам с коммунами набирают крестьян в качестве временных рабочих либо на срок от трех до семи лет, либо на один сезон. 28 декабря 1966 года «Жэньминь жибао» писала, что трудовая система «и рабочий и крестьянин», хотя испытывается недолго, «выявила огромные преимущества, способствует снижению себестоимости продукции».

Последнее поначалу выглядит особенно невероятным: как может снижаться себестоимость при замене квалифицированных рабочих крестьянами? Однако в той же статье можно найти подтверждения, что газета в данном случае не солгала. Сахарные фабрики страны, применившие эту систему, сообщает «Жэньминь жибао», всего за один сезон «сэкономили

на заработной плате» два с половиной миллиона юаней, а одна только транспортноскладская контора в городе Чэнду — более 270 тысяч юаней.

Средства «экономятся» не только на зарплате рабочих, ибо, ликует орган ЦК КПК, «отпадает необходимость строить общежития, столовые». Другое достоинство новой системы в том, что и эту сокращенную зарплату предприятие выдает «рабочему-крестьянину» не в полном размере. «Эти молодые крестьяне ежемесячно небольшой процент из своей зарплаты вносят в общественный фонд народных коммун, из которых они пришли», — сообщало агентство Синьхуа в бюллетене от 2 января 1966 года. О подлинных размерах этого «небольшого процента» можно судить по такой цифре, приведенной в «Жэньминь жибао»: за 1965 год народные коммуны одной только провинции Сычуань получили благодаря этому три миллиона юаней.

Итак, предприятия «экономят» на зарплате, коммуна извлекает «доход». Что же остается «рабочему-крестьянину»?

Впрочем, изобретателей системы это не пугает. Пусть человек продержится пять-семь лет, или три года, или хотя бы один сезон. А там его сменяют другие. «Новая система открывает неисчерпаемый источник трудовых сил для промышленности», — писало агентство Синьхуа. Еще одна деталь: «Рабочий-крестьянин» оставляет семью в деревне на весь срок контракта. На новом месте он должен, кроме работы на предприятии, еще и «развивать подсобный сельскохозяйственный промысел». Авторы системы таким образом стремятся освободиться от ответственности за пропитание рабочих. Китайская пропаганда настойчиво рекомендует трудящимся учиться в этом отношении у работников с нефтепромысла «Дацин», которые сами себя обеспечивают питанием.

Эту систему лидеры КПК выдают за «новинку марксистской мысли» и без устали твердят, что их нововведение есть «программа последовательного завершения социалистической революции для перехода к коммунизму в Китае, а также программа осуществления в будущем коммунизма во всем мире» (из резолюции бюро комитета КПК провинции Гуандун,

озаглавленной «Решительно осуществлять великое указание председателя Мао, превратить всю провинцию в великую школу идей председателя Мао»).

Система «и рабочий и крестьянин», отмечается в этом же документе, указывает путь к постепенному уничтожению трех больших различий. Имеются в виду различия между физическим и умственным трудом, между рабочими и крестьянами, между городом и деревней. «Раньше мы обычно полагали, что выдвинутое Марксом и Энгельсом научное предвидение о ликвидации трех больших различий является делом далекого будущего, сейчас же, изучив указание председателя Мао, мы чувствуем, что уже настала пора поставить этот вопрос на повестку дня», — указывается далее в резолюции.

Различие между городом и деревней можно сократить двумя путями: либо деревню постепенно поднять до уровня города, либо, наоборот, город опустить до уровня деревни. «Теоретики» из руководства КПК открыли, что второй путь короче. Видимо, он действительно короче, но только какое это имеет отношение к марксизму-ленинизму?

Система «и рабочий и крестьянин» стала внедряться в Китае еще до «великой пролетарской культурной революции». Но именно внутривластная атмосфера «культурной революции» создала наиболее удобные условия для нее, так как малейшее возражение влечет за собой обвинение в «ревизионизме» или физическую расправу. Лидеры КПК пытаются получить средства для финансирования военной промышленности и дорогостоящих ядерных испытаний. Вместо того чтобы изучать и плодотворно использовать экономические законы социализма, они добиваются введения повсюду военной дисциплины, стремятся перестроить по-военному весь уклад жизни огромной страны.

Наступление на жизненный уровень рабочего класса выражается не только в отмене премиальных надбавок. В упоминавшейся выше резолюции комитета КПК провинции Гуандун даже содержался призыв к «постепенному внедрению системы обязательной трудовой повинности» в строительных организациях и на дорожных работах. На пленуме исполкома

Всеитайской федерации профсоюзов, проходившем в апреле 1967 года, давались откровенные директивы к сокращению и без того низких расходов на социально-культурные нужды. «Жэньминь жибао» рекомендовала при проведении мер, касающихся материально-бытового положения рабочих, исходить из той же политики «сокращения трех больших различий».

Не удивительно, что в условиях «культурной революции» сочувствие к простому человеку стало считаться преступлением. Само слово «гуманист» звучит в современном Китае обвинительным приговором.

Китайские руководители предпринимают попытку найти «объективные» закономерности путем воинствующей и авантюристической политики, путем произвола и субъективизма. Их идеология и политика представляют собой смесь мелкобуржуазного национализма, авантюризма, великодержавного шовинизма.

Однако такая политика пекинских раскольников, поправших решения VIII съезда КПК, Московских совещаний 1957 и 1960 годов, противоречит воле большинства. Той воле, о которой Ленин говорил, что она (и эти слова не случайно цитировались на VIII съезде КПК) «для нас всегда обязательна, и идти против этой воли — значит совершать измену революции».

Китайский народ добился больших успехов в борьбе за свое освобождение от империализма и в строительстве новой жизни. Теперь руководство, которое отошло от марксизма-ленинизма, навязывает китайскому народу политику, направленную против международного пролетариата. Но в первую очередь эта политика направлена против коренных интересов народного Китая, против социалистических достижений, против рабочего класса КНР.

«Культурная революция», которую изобрели пекинские лидеры, ни в коей мере не является пролетарской.

**...КАКАЯ ЖЕ
ИСТИННАЯ?**

Подлинная культурная революция всегда ставит своей целью поднять интеллектуальный уровень народа, открыть широким слоям трудящихся доступ к просвещению и науке, воспитать новую интеллигенцию. В истории Китая слова «культурная революция» звучали дважды.

Победа над силами империализма и феодальной реакции, достигнутая китайским народом в 1949 году, создала все условия не только для уничтожения эксплуатации человека человеком и развития совре-

менной экономики, но и для проведения социалистической культурной революции. Эта революция развивалась в народном Китае весьма успешно. По всей стране развернулось движение за ликвидацию неграмотности. Росли кадры народной интеллигенции. При бережном освоении великого культурного наследия китайского народа расцветало социалистическое искусство: литература, кино, музыка, театр...

Но вот неожиданно началась пресловутая «культурная революция».

В опале оказались современные китайские литераторы, которых причисляли к участникам «контрреволюционного заговора», и даже классики мировой литературы и искусства. Десятки журналов, сотни статей повели «войну с покойниками», мешавшими насаждению идей Мао Цзэ-дуна. Произведения Льва Толстого, Шекспира, Бальзака, Роллана, Чехова, Рабле были объявлены крамольными, так как эти писатели своим творчеством «порождают упаднические настроения, идеализм и эгоизм».

В разряд «не отражающих идей Мао Цзэ-дуна» попали и произведения китайской классики, написанные много веков назад. А ведь еще 4—5 лет назад они рекомендовались каждому студенту и школьнику.

В 1958 году ЦК КПК ставил перед народом и молодежью иную задачу: «Ликвидировать неграмотность, осуществить всеобщее начальное образование, постепенно добиться того, чтобы в волостях были свои средние учебные заведения, а в округах и во многих уездах — высшие учебные заведения и научно-исследовательские учреждения». А в 1966 году под девизом «культурной революции» все учебные заведения страны были закрыты. Наконец первая культурная революция провозгласила одной из своих главных задач подготовку кадров новой интеллигенции и социалистическое воспитание старой интеллигенции, стоявшей на прогрессивных позициях. И Китай по праву гордился своими успехами в этой области. Ныне же именно писатели, драматурги, ученые-историки, философы, экономисты, работники культурных и идеологических учреждений,

преподаватели стали мишенями хунвэйбинов, первыми жертвами маоцзедуновских чисток, ознаменовавших собой «вторую культурную революцию».

ЧЕРНЫЕ СПИСКИ „КРАСНОЙ ОХРАНЫ“

В одном из номеров газеты «Цзефан жибао» была помещена статья, посвященная крупнейшему китайскому композитору, старому коммунисту, еще недавно занимавшему пост директора Шанхайской консерватории.

«Антипартийный и антисоциалистический элемент Хэ Лу-тин долгое время занимал руководящий пост в области музыкального творчества, изрыгал много антипартийных и антисоциалистических черных песен. Сейчас мы должны окончательно сорвать с него маску, окончательно разоблачить все его происки». Далее идет анализ одной из его последних хоровых песен — «Ночь над рекой Синьцзян»: «Под ширмой воспевания социалистического строительства Хэ Лу-тин злобно распространял отраву. Во-первых, он написал мотив этой песни бессильным и вялым, он даже употребил размер «шесть восьмых», наподобие колыбельных песен и танцевальной музыки европейской буржуазии XVIII — XIX веков. Во-вторых, он сделал пометку «с тонким чувством». В чем крылось его намерение? Разве еще не ясно, что он тем самым пытался представить боевой пафос нашего рабочего класса как стремление к покою и праздности! Разве он хотел через эту песню воспевать героев нашего рабочего класса, занятых строительством гидроэлектростанций, их революционный энтузиазм, выражающийся в духе опоры на собственные силы? Нет, вовсе не так! Он искажал героический образ нашего рабочего класса, он разнужданно выступал против нашего большого скачка! Но еще более преступно то, что во всей песне с начала до конца Хэ Лу-тин использовал гармонию, употребляемую на Западе для церковной музыки. Что он хотел, кроме того, как осквернить революционный дух нашего большого скачка? Это ли не яркое

свидетельство того, что Хэ Лу-тин питал лютую ненависть к генеральной линии и большому скачку».

Свой «музыкальный анализ» газета завершает тем, что обвиняет Хэ Лу-тина в стремлении «при помощи своих черных вредительских песен расчистить дорогу для реставрации капитализма».

Подобным обвинениям нет конца.

Помнится, еще в 1965 году китайская печать обрушила поток критических, «разгромных» материалов на мастеров культуры — членов КПК и беспартийных. Причем наиболее жестокие удары были нанесены прогрессивным деятелям старшего поколения.

В этом есть своего рода «логика» — среди людей, прошедших большую жизненную и революционную школу, особенно силен дух интернационализма, они слишком много знают такого, что хотели бы выкорчевать из памяти народа Мао Цзэ-дун и его приспешники. Был смещен с поста министра культуры Мао Дунь, писатель с мировым именем (прошло не более двух лет, и его преемник секретарь ЦК КПК Лу Дин-и предстал с «доской позора» на груди перед улюлюкающей толпой хунвэйбинов как один из «главарей контрреволюции»).

Китай еще не знал хунвэйбинов, когда большинство лучших представителей китайской интеллигенции были, по существу, объявлены политически неблагонадежными и подверглись репрессиям в той или иной форме, начиная с унижительных «проработок», лишения постов и вплоть до принудительной высылки в отдаленные сельские районы.

«Жэньминь жибао» как-то призналась, что за полтора года (1965—1966 гг.) 160 тысяч интеллигентов было отправлено на «физическое перевоспитание» в деревню (позднее, уже в разгар «культурной революции», к ним присоединились еще по крайней мере 400 тысяч «враждебных элементов» и членов их семей).

Таким образом, группа Мао Цзэ-дуна преднамеренно исключила из общественной и политической жизни большой отряд активных и сознательных граждан. Их «вина» заключается в том, что, трезво оценивая происходящее в Китае, они не присягали

председателю Мао и его «идеям» каждым словом, каждой строкой. До сего дня лишь один Го Мо-жо публично признал свое «преступное игнорирование» произведений Мао Цзэ-дуна и каялся в грехах, однако интеллигенция его примеру не последовала.

В эти дни в Китае преследуют всех, кто пытается защитить марксистско-ленинское понимание культуры. Стремясь отгородить страну от внешнего мира психологическим барьером из «идей Мао Цзэ-дуна», группа пекинских лидеров пытается утвердить собственное понимание концепции культуры. Существование ее сводится к тому, что вся культура Китая воплощена в «идеях Мао».

Предавая анафеме великие имена, стратеги «культурной революции» заявляют, что преступно «воспевать гуманизм, свободу, равенство, братство, ибо именно эти настроения воспринимает та часть молодежи, которая отравлена ядом буржуазной идеологии». Имелась, разумеется, в виду молодежь, не созревшая для воплощения «идей председателя Мао».

Из разных источников поступают сведения о том, что в ходе «великой культурной революции» покончил самоубийством виднейший китайский писатель Лао Шэ, подвергнуты суду автор гимна КНР драматург и кинодеятель Тянь Хань, талантливейший комический актер Китая Хоу Бао-линь; хунвэйбины переломили кисти рук известному китайскому пианисту лауреату Международного конкурса музыкантов-исполнителей имени Чайковского в Москве Лю Ши-куню «за исполнение буржуазной музыки»; закрылись театры, прекратили свое существование крупнейшие центральные литературные издания: журнал «Шоуху» («Жатва»), «Шикань» («Поэзия»), «Вэньбао» («Литература и искусство»).

Множество писателей, артистов, кинорежиссеров, журналистов, а также представителей технической интеллигенции получили ярлыки «черный банdit».

«Он сбывает черный товар — буржуазный пацифизм и проповедует, что капитуляция лучше борьбы, что мир превыше всего, что жизнь превыше всего» — это уже говорится о советском писателе Михаиле Шолохове. Газета «Жэньминь жибао» расце-

нила его рассказ «Судьба человека» как преднамеренный выпад против идей «великого вождя, великого учителя, великого полководца, великого кормчего» — председателя Мао.

«Но вот разразилась антифашистская война, — излагает сюжет рассказа «Жэньминь жибао». — Шолохов с безграничным сочувствием, не жалея красок, изображает Ирину истеричкой, которая при одном упоминании о войне изменяется в лице. При прощании на вокзале она, как безумная, рыдает, губы белые как бумага... Этим автор хочет сказать читателям, что антифашистская война разрушила «мирную счастливую жизнь» семьи Соколовых, разлучила родных и близких. Таким образом, непосредственно заложен реакционный лейтмотив рассказа — отрицание антифашистской войны».

Выразив уверенность, что революционер обязан ликовать и радоваться, когда на его страну нападают фашисты (поскольку благодаря этому он получает возможность вести «антифашистскую войну»), «Жэньминь жибао» далее ссылается на высказывание Мао Цзэ-дуна о том, что «бывает разный мир и разная война». Сделав еще несколько ссылок на сюжет рассказа, аналогичных приведенным выше, «Жэньминь жибао» приходит к выводу, что рассказ Шолохова «является контрреволюционным произведением, парализующим революционную волну широких масс трудящихся».

В свой «черный список» писателей, творчество ко-

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«Подлинное представление о масштабах «культурной революции» дали подвиги «красных охранников», побуждаемых Линь Бяо и действующих — по крайней мере так дело выглядит — с благословения Мао Цзэ-дуна. Они вламываются в музеи, уничтожают произведения искусства, сжигают книжки, клеймят любовь и красоту как буржуазные «пороки». В список капиталистов и реви-

зионистов они внесли Бальзака, Толстого, Шекспира и Стендаля. Они отвергают лучших композиторов всех времен, среди которых Бетховен, Бах, Моцарт, Шопен и Чайковский. Объявив смертный приговор «старой культуре» и уничтожив то, что ее представляет, они заявляют, что печатание трудов председателя Мао «является самой славной, самой срочной и самой важной задачей, кото-

торых не отвечает идеям Мао Цзэ-дуна, стратеги «культурной революции» занесли также имена К. Симонова, К. Федина, Г. Бакланова, А. Твардовского, Ч. Айтматова, А. Корнейчука и многих других.

Расправа с собственными классиками как бы подготовила почву для новой кампании, главным объектом которой стала советская литература, ее выдающиеся мастера, давно уже известные и полюбившиеся китайскому читателю. Советских писателей-прозаиков и поэтов разных поколений стали брызжа слюной, поносить опять-таки за то, что написанное ими не соответствует идеям Мао Цзэ-дуна. И договорились: вся современная советская литература «окончательно выродилась, превратившись в сообщника американского империализма».

...Ходят по улицам хунвэйбины, внимательно вглядываются в лица прохожих. Листовки о розыске, бесчисленные дацзыбао с разоблачением «контрреволюционеров», речи ответственных лиц с призывом «бить по штабам», «по облеченным властью, которые пролезли в партию и идут по буржуазному пути», — все это создает атмосферу всеобщей подозрительности, внушает чувство, будто всюду враг. В нынешнем Китае, если можно так выразиться, существует абсолютная «свобода слова»: свобода для доносов, для нападок на тех, кто в своих высказываниях хоть чуть-чуть отклонился от нормы, жестко регламентированной сборником цитат Мао Цзэ-дуна.

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

рую налагает на нас наше время... Чтобы получить для этого бумагу и типографии, прекращается издание газет и журналов.

Не говоря уже о вандализме вышеупомянутых разрушений, самое меньшее, что можно сказать, — это то, что такая постановка проблем культуры не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Ни

человеческая культура, ни марксистская культура не начинаются и не кончаются Мао Цзэ-дуном.

На пути к лучезарному будущему Китая встало в высшей степени отрицательное явление: культ личности Мао Цзэ-дуна и подмена коллективного руководства партии и государства. Мао Цзэ-дун стал божком, его теории и мнения считаются непогрешимыми, и с

Хунвэйбины усвоили, что главный враг Мао Цзэ-дуна — тот, кто пытается думать. И «вина» культуры и ее деятелей в том, что они учат людей думать.

ВОЙНА КНИГАМ...

В ходе погромов хунвэйбины с особым рвением набрасывались на книги. Даже в букваре, как явствует одна из дацзыбао, хунвэйбины углядели много «феодалной, буржуазной и ревизионистской отравы». Люди стали сдавать книги в утильсырьё. Тяжелое впечатление производили эти очереди, километровыми змеями вившиеся по пекинским улицам. Предвидя долгое ожидание, люди старались поудобнее устроиться на своих авоськах, корзинах, мешках, наполненных книгами. Некоторые книги на всякий случай уже заранее были порваны. 10 сентября 1966 года истек срок, данный населению в ультиматуме хунвэйбинов для того, чтобы избавиться от всех книг, «не отвечающих духу идей председателя Мао». Поскольку критерий лояльности той или иной книги определяют сами хунвэйбины — подростки с незаконченным образованием, многие люди предпочли для полной гарантии отправить в утильсырьё все: и старинные издания, и переводы зарубежных писателей, и книги на иностранных языках, и книги современных китайских авторов. Хунвэйбины не ограничивались борьбой с частными биб-

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

помощью так называемой «красной охраны культурной революции» подавляется всякое сопротивление ему. Одновременно с этим Мао Цзэ-дун и его последователи вернулись к разжиганию буржуазного национализма.

Буржуазный национализм и деспотизм, порожденные культом личности, диктатуры одного человека, наносят серьезный вред китайской революции и международному коммунисти-

ческому движению, они дискредитируют марксизм-ленинизм всякий раз, когда враги пользуются ошибками и заблуждениями китайских руководителей, заблуждениями антимарксистскими для нападков на марксизм-ленинизм. События, связанные с так называемой «культурной революцией», свидетельствуют о разложении политического руководства, возглавляемого Мао Цзэ-дуном, а также о том, что в Ки-

лиотеками. По всей стране они «помогли» работникам книжных магазинов ликвидировать сотни тысяч (если не миллионы) томов.

Один из ведущих «теоретиков» «культурной революции», Чэнь Бо-да, выступая перед хунвэйбинами, указывал, что им не следует читать «старых книг», которые надлежит сохранить лишь в малом числе экземпляров для особых людей, «обладающих способностями критиков». К этим «старым книгам» причислены и труды классиков марксизма-ленинизма. Недаром при разгроме Пекинского горкома КСМК его руководителям, в частности, вменили в вину высказывание: «Книги председателя Мао доступны, их надо изучать главным образом рабочим и крестьянским массам, нам же следует уделять больше внимания классикам марксизма-ленинизма». Центральная печать квалифицировала это высказывание как попытку «опорочить произведения Мао Цзэ-дуна, доказать, что они не относятся к классике, и под ширмой рекомендации марксистско-ленинской литературы вырвать из сердец молодежи великое красное знамя произведений Мао Цзэ-дуна, чтобы добиться контрреволюционной цели — мирного перерождения».

Если заглянуть сегодня в каталоги крупнейших китайских библиотек, то глазам предстанет чудовищная картина.

Переведенные в свое время книги Островского и Фурманова, Фадеева и Шолохова, имена многих

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

тае существуют мощные силы, борющиеся за то, чтобы предотвратить искажение смысла китайской революции, за освобождение партии и государства от нездоровых элементов, приносящих такой вред.

Идеологические разногласия, избранные китайскими руководителями в качестве предлога для раскола международного коммунистического движения, появились на самом деле, как это легко понять, для того,

чтобы облечь в какие-то пристойные формы абсурдные идеи, обожествление отдельного человека и разгул шовинизма. Троцкистские и ультралевые тезисы служат для того, чтобы замаскировать идеологические уклоны, абсолютно чуждые идеологии рабочего класса».

*А. Феррето,
член ЦК партии
Народный авангард Коста-Рики*

ветеранов советской литературы и ныне живущих прозаиков и поэтов в ходе «великой культурной революции» изъяты. В огромных подвальных хранилищах сложены недоступные ныне китайскому читателю произведения художественной литературы и книги по различным областям знаний.

Один из основоположников новой китайской литературы, большой друг Советского Союза Лу Синь как-то писал:

«...Русская литература — наш учитель и друг. Русская литература раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу... Из ее литературы мы поняли самое важное, что в мире существуют два класса — угнетатели и угнетенные! Сейчас это настолько общеизвестно, что едва ли заслуживает упоминания, но тогда это явилось величайшим открытием, равным открытию огня, когда первобытные люди научились варить себе пищу, когда мрак ночи осветился ярким пламенем».

Когда 7 февраля 1931 года гоминдановские реакционеры в Шанхае учинили расправу над пятью молодыми революционными писателями: Жоу Ши, Ху Е-пинем, Инь Фу, Ли Вэй-сэнем и Фэн Кэн, — известные писатели многих стран мира опубликовали открытое письмо протеста против жестокого белого террора гоминдановцев. Первым под этим письмом подписался великий пролетарский писатель Горький. В опорных базах революции в годы национально-освободительной войны против японских захватчиков китайские поэты, следуя примеру Маяковского, сотрудничавшего в «Окнах РОСТА», писали «цзетоуши» («стихи улицы») и «цянганьши» («стихи на прикладах»), поставив поэзию на службу революции.

В наиболее тяжелый период антияпонской войны, когда 8-я армия была окружена гоминдановскими и японскими войсками в районе Тайханшаньских гор, политработники печатали стеклографическим способом переводы некоторых повестей и рассказов советских авторов и распространяли их среди бойцов и командиров. Воины, сражавшиеся в тылу врага, бергли эти произведения так же, как свое оружие.

В период национально-освободительной войны, накануне боевых операций по освобождению Лояна и перед штурмом Шицзячжуана командование призывало командиров тщательно изучить «Дни и ночи» К. Симонова, а некоторые главы, посвященные жестоким сражениям за Сталинград, были отпечатаны в виде листовок и розданы бойцам в качестве пособия для выполнения боевой задачи. «Дни и ночи» Симонова и «Фронт» Корнейчука воспитывали в бойцах отвагу и воинскую смекалку.

Но сегодня из Китая приходят вести о кострах из книг. В число «контрреволюционеров» заносится любой писатель только за то, что он советский. Невольно вспоминаются двадцатые годы, когда чжильские и шэньянские милитаристы наложили строжайший запрет на все книги, газеты, журналы, в которых упоминались слова «большевик», «Маркс», «Энгельс», «Ленин», «рабоче-крестьянское правительство», «Советы» и т. п.

В 1927 году после поражения революции Чан Кай-ши запрещал все газеты, журналы и книги, в которых встречались слова «Россия», «Советская Россия», «Советский Союз», «класс», «материализм», «диалектика», «идеология», «классовая борьба» и т. д. Была запрещена даже чеховская «Дуэль» лишь на том основании, что название этого рассказа в китайском переводе буквально означает «решительная схватка». Нечто подобное повторилось теперь.

Печатное слово оказалось под подозрением в той самой стране, чей народ первым научился делать бумагу, первым изобрел книгопечатание.

Впрочем, книгопечатания «великая пролетарская культурная революция» не отрицает. Возможно, в эти дни издательства работают даже с повышенной нагрузкой. Работники почты и железных дорог принимают обязательства на ускоренную доставку этой продукции, да и количество книжных магазинов сократилось ненамного. Только выглядят они теперь иначе.

...В большой книжной лавке в пекинском пассаже «Дунань шичан» господствуют красные тона. Со всех сторон на посетителя глядят плакаты с изо-

бражением Мао Цзэ-дуна. На одном из этих плакатов идет шеренга людей, выставившая вперед огромные, словно ящики, тома Мао Цзэ-дуна. У их ног корчится человек с позеленевшим лицом, на котором стоит надпись: «Свобода, равенство, братство». Таблички на стене, указывающие название отделов, почти все одинаковы: «Труды председателя Мао». Вся центральная часть магазина оформлена обложками одной и той же брошюры Мао Цзэ-дуна. По углам четыре самостоятельных отдела: «Материалы великой пролетарской культурной революции», «Ударники живого изучения и живого применения трудов Мао Цзэ-дуна», «Учитесь на революционных героях» и «Художественная литература».

Парнишка лет двенадцати с красной повязкой хунвэйбина никак не может отойти от прилавка. Повертит то одну книжку, то другую и никак не может выбрать. Ему хочется что-то почитать, но в ходе «культурной революции» любой сколько-нибудь интересный писатель причислен к «антипартийной черной шайке». Возможно, паренек скучает по школе, но учебников здесь тоже нет (если не считать брошюры «Как изучать труды председателя Мао»).

Все герои книг — верные солдаты Мао, книги только о Мао. Это лишь часть массовой и всепроникающей кампании «по промыванию мозгов».

„ОГОНЬ“ ПО ПАМЯТНИКАМ

Среди тех, кто попал в черные списки хунвэйбинов, оказались и многие мастера культуры прошлого. Всемирно известный артист Мэй Лань-фан, умерший несколько лет назад, упоминается ныне в печати только с бранными эпитетами. Даже серия почтовых марок, посвященных Мэй Лань-фану, изъята в КНР из продажи. Юнцы с красными повязками разрушили множество ценнейших памятников культуры — древних скульптур, древних архитектурных сооружений, созданных гением народа.

В древней столице Тибета — Лхасе хунвэйбины разрушили и разграбили бесценные сокровища хра-

мов, в том числе уничтожили и растащили по кускам статую тибетского «Бога бесконечного милосердия». Это одна из самых знаменитых скульптур Востока — фигура с одиннадцатью головами и тысячью рук; в ладонь каждой руки был вложен глаз Будды. Согласно легенде глина для этой скульптуры была собрана в разных местах Индии и смешана с водой Ганга. Поколения паломников покрыли эту статую листами узорного золота...

Разрушена могила крупнейшего китайского художника Ци Бай-ши, снесен бюст Пушкина в Шанхае, загажены уникальные галереи Летнего императорского дворца в Пекине.

В числе других был разрушен и монумент советско-китайской дружбы в Шанхае.

В 1954 году правительство КНР попросило советских скульпторов создать монумент, олицетворяющий дружбу между советским и китайским народами, который предназначалось установить перед Дворцом советско-китайской дружбы. Проект, предложенный советскими скульпторами лауреатом Ленинской и Государственной премий, членом-корреспондентом Академии художеств СССР профессором Л. Кербелем и заслуженным деятелем искусств УССР Л. Муравиным, был одобрен китайским правительством, Шанхайским городским партийным комитетом.

В марте 1955 года монумент был торжественно открыт в присутствии тогдашнего мэра Шанхая Чэнь И. Собравшиеся на площади массы трудящихся восторженно приветствовали его открытие.

Китайские руководители, проводя «культурную революцию», отвергают марксистско-ленинский принцип преемственности в культурном развитии общества, пытаются оправдать вандализм хунвэйбинов тем, что вся культура прошлого является сплошь реакционной.

Нет такой области культуры, которой не коснулось бы «революционное ниспровержение». Взять, к примеру, кинематограф. Какой бы ни демонстрировался фильм, перед началом сеанса обязательно поют песни и показывают диапозитивы с высказываниями Мао Цзэ-дуна. Аналогичные новшества в

цирке и в театрах. Впрочем, в дни «культурной революции» интерес к ним заметно упал: сейчас простым людям не до юмора, а трагические сцены гораздо чаще можно увидеть своими глазами в жизни.

Еще совсем недавно старая пекинская опера мирно сосуществовала с классическим мировым наследием — на театральных сценах с неизменным успехом ставились «Евгений Онегин», «Бахчисарайский фонтан», «Травиата», а симфонические оркестры регулярно исполняли произведения Чайковского и Рахманинова, Бетховена и Баха.

Но вот уже итальянская газета публикует интервью с одной из китайских актрис, которая заявляет: «Балет — это западная форма искусства, но мы можем принять его, если он становится инструментом революции. Только не должно повторяться то, что было в прошлом, когда ставили «Лебединое озеро» и публика скучала. Мы, актеры, должны коренным образом переделать нашу идеологию, читая произведения председателя Мао».

Впрочем, такая трактовка не случайна. Ведущие художественные ансамбли Китая переданы армии. Ими сейчас занимается Цзян Цин — жена Мао Цзэдуна, проводившая в свое время реформу пекинской оперы. Эта реформа, как известно, явилась фактическим запретом любимого китайским народом театрального жанра. Древний мир символических масок, мелких шажков по мосткам, подвешенным над рекой, блистательных хореографических представлений в декорациях традиционного Китая — все это полностью отвергается.

В так называемой «новой опере» уже в прологе актеры в солдатской форме то выступают вперед, то отодвигаются в глубь сцены и повторяют: «Учите наизусть произведения председателя Мао». По ходу представления в качестве комментария к действию в кульминационные моменты за кулисами раздается голос, читающий изречения Мао.

На гигантской панораме, каждая фигура которой в 10 раз больше человеческой, есть сцена «суда» в Хуашанской коммуне провинции Гуандун. Человек поставлен коленями на битый кирпич, на

шее табличка: «ревизионист», под дулом винтовки он читает разложенные перед ним труды Мао Цзэ-дуна. Подобные скульптурные группы и картины сегодня можно встретить на фронтонах домов и площадях многих городов Китая.

Говоря о нигилистическом отношении к культуре прошлого, появившемся в ходе «культурной революции», центральный орган Коммунистической партии Колумбии «Вос пролетариа» писал, что «...не будет ничего удивительного, если китайские руководители кончат осуждением классиков английской политэкономии, немецкой философии и утопического социализма, то есть трех основных источников марксизма».

Впрочем, хунвэйбины не просто разоряют исторические и художественные ценности, принадлежавшие народу. Их руками сознательно уничтожают культуру те, кому она мешает. При этом группа Мао Цзэ-дуна не останавливается только на разрушении памятников культуры. Инакомыслящие должны быть унижены и подавлены. Вчерашние студенты и школьники врываются в квартиры профессоров и преподавателей, избивают их, издеваясь, заставляют признаваться в «контрреволюционных преступлениях». Глумятся над заслуженными, честными людьми, водят их по улицам в «позорных колпаках». Многие, не выдержав истязаний, уже покончили с собой.

Культура в Китае переживает глубокий паралич. Деятельность всех творческих союзов прекращена, их руководство разгромлено. Не работают многие театры и киностудии, на экранах показывают плавающего Мао Цзэ-дуна, хунвэйбинов да ядерные взрывы.

НЕВЕЖЕСТВО — СВЕТ?

Одним из первых в черных списках «великой пролетарской культурной революции» был ректор, секретарь парткома Пекинского университета Лу Пин, которого ныне в Китае именуют не иначе, как «черным бандитом, контрреволюционером, агентом советских ревизионистов». Его преступления состоят

в том, что он придерживался принципов обучения, принятых в СССР и всех других социалистических странах. В том, что студенты философского факультета изучали философию, исторического — историю, физического — физику вместо того, чтобы заниматься лишь зубрежкой цитат Мао Цзэ-дуна. Добавим к этому, что, помимо ректора, в черном списке оказалось несколько десятков профессоров и преподавателей Пекинского университета и что подобной участи не избежало почти ни одно высшее учебное заведение КНР.

Профессоров подвергали травле за чрезмерное внимание к классикам марксизма-ленинизма, за любое упоминание об опыте СССР. Учащихся очень энергично изолировали от влияния таких людей.

В конце июня 1966 года «Чжунго цинняньбао» в передовице «Ученики могут помочь революции учителей» давалась следующая установка школьникам: «В рядах учителей имеется часть пролетарских, революционных, смелых элементов. У большинства учителей пролетарское мировоззрение еще не окончательно заменило буржуазное. Имеется еще и группа нечисти, настроенной против партии, против социализма, против идей Мао Цзэ-дуна. Мы должны под руководством партии, опираясь на левые элементы, имеющиеся среди учителей, в процессе упорной работы постепенно сплотить большинство учителей, до конца обнажать, до конца критиковать, до конца уничтожать всю нечисть». На семнадцатом году народной власти школьные учителя рассматриваются как какой-то почти враждебный класс, как не слишком надежные попутчики революционных учеников!

Одним из первых толчков, который взбудоражил всех учащихся, был клич о том, что существующая система образования в Китае нуждается в коренной реформе. Это был выгодный предлог для начала долгосрочных каникул, пока теоретики «культурной революции» что-нибудь да изобретут.

В первых числах июня 1966 года китайская пресса опубликовала директиву ЦК КПК и госсовета КНР об отмене порядка приемных экзаменов в высшие учебные заведения. В этом документе говори-

лось о том, что работу по приему в 1966 году в высшие учебные заведения необходимо отсрочить на полгода (с того момента прошло значительно больше времени, а занятия во всех учебных заведениях фактически так и не возобновились).

После опубликования этой директивы в китайской печати появилось большое число выступлений, критикующих прежнюю систему приема в вузы. Например, учащиеся 1-й средней школы города Чанна в «обвинительном акте о двадцать одном великом преступлении системы приемных экзаменов» подчеркивали: «Во имя подготовки к экзаменам сокращается время, отводимое на политическую деятельность и изучение трудов председателя Мао». Группа учениц из 1-й пекинской средней женской школы, осуждая тех молодых людей, что «копаются в кучах книг для поступления в вузы», писала: «Мы молодежь эпохи Мао Цзэ-дуна. Китайская революция и мировая революция требуют, чтобы мы стали революционным авангардом молодежи всего мира». Учащиеся 4-й пекинской средней школы отмечали: «Мы разбиваем не одну только систему экзаменов, мы разбиваем тысячелетние оковы культуры на шее народа».

«Бунтари» предлагали срок обучения гуманитарных факультетов сократить с 5 лет до одного, труды Мао сделать «главным учебником», а «классовую борьбу — основной дисциплиной».

Студентов, которые уже учились два года или больше на этих факультетах, предлагалось досрочно выпустить, с тем чтобы они имели возможность закаляться в трех великих революционных движениях: в классовой борьбе, в производственной борьбе и в научном экспериментировании».

Почему же не устраивает нынешняя система?

«...Нынешняя система образования определяет шесть лет на обучение в начальной школе, шесть лет на обучение в средней школе и в общем пять лет на обучение в вузе. Целые 17 лет страдальческой учебы отнимают у человека его молодость и вводят молодежь в заблуждение».

«...Студенты живут в многоэтажных общежитиях, питаются рисом и пшеничной мукой, читают древ-

них и зарубежных классиков, воспитываются на идеях о личной славе и материальном благе, мечтают стать видными личностями и идут по пути специалистов без «социалистической сознательности».

«...Чем дольше учатся студенты, тем мутнее становятся их головы. Преподаватели увлекаются бессмысленным схоластичным исследованием и пичкают студентов знаниями. Студенты же целыми днями, целыми месяцами и целыми годами роются в древних книгах». Список подобных обвинений можно продолжать до бесконечности.

По мнению вдохновителей «культурной революции», все они вполне подходят под главный тезис: «смело мыслить и смело действовать».

Среди студентов сейчас особенно усиленно распространяются материалы неизвестно откуда всплывшей записи беседы с Мао в 1964 году. Мао Цзэ-дун «предлагал наполовину срезать курс наук», «отменить нынешний метод экзаменов, который, по его словам, более применим к врагам, чем к народу».

Ссылаясь на исторический опыт, Мао Цзэ-дун в качестве примера приводил опыт Конфуция, который обучал всего шести искусствам: церемониям, музыке, стрельбе из лука, управлению колесницей, священным книгам и арифметике».

Согласно просвещенному мнению председателя ЦК КПК, в средних школах «хватит и того, чтобы знать, что такое логика», что «такое грамматика». Об экзаменах он сказал следующее: «Во время экзаменов можно переговариваться, можно ставить свою фамилию на чужой работе. Если ты ответил правильно, а я переписал, то это тоже считается хорошо».

По-видимому, престарелый пекинский лидер своей «решительностью» превзошел многих юных ниспровергателей просвещения! С поучениями Мао Цзэ-дуна эффектно перекликается еще один документ, который заслуживает того, чтобы привести его полностью. Это текст выступления студента философского факультета Пекинского университета Ван Пэй-ина, опубликованного в газете «Жэньминь жибао».

«Услышав по радио директиву ЦК КПК и госсвета об отмене правил приемных экзаменов в высшие учебные заведения, я испытал исключительную радость и воодушевление. Я решительно поддерживаю эту мудрую директиву ЦК КПК и госсвета. Под руководством ЦК КПК и председателя Мао я отдаю все свои силы для полного осуществления культурной революции, полного преобразования системы просвещения.

Старую буржуазную систему просвещения, включившую в себя систему приемных экзаменов, необходимо полностью изменить. Старая система приемных экзаменов не возглавлялась пролетариатом, не служила политике пролетариата — она возглавлялась буржуазией, служила политике буржуазии. Эта система сильно мешала революционизировать идеологию молодежи. Она поощряла молодежь идти путем белого специалиста, который борется за буржуазный индивидуализм, гонится за славой и выгодой. Эта система служила оружием антипартийных, антисоциалистических, буржуазных элементов в наших педагогических кругах для осуществления буржуазной диктатуры против сынов и дочерей рабочих, сынов и дочерей бедняков и малоимущих середняков. В течение длительного периода она использовалась как оружие для борьбы с пролетариатом, для того, чтобы отвоевать у пролетариата поколение молодежи, приемников дела буржуазии.

Обучаясь в течение нескольких лет, я наглотался горечи этой буржуазной диктатуры. Лично я являюсь молодым человеком с революционными идеалами. Однако при этой системе просвещения мои чаяния научиться, как служить народу, как лучше работать для партии, натолкнулись на серьезные препятствия. Я не мог не забросить изучение трудов председателя Мао, не мог не забросить преобразование своей идеологии. Все свои духовные силы и все свое время использовал для того, чтобы заучивать наизусть мертвые догмы, которые приводили в восхищение ученых и профессоров. Таким образом, хотя я выдержал экзамены в Пекинский университет, однако моим революционным устремлениям был нанесен серьезный ущерб.

После сдачи экзаменов на философский факуль-

тет Пекинского университета мне хотелось хорошенько изучить марксизм, философские труды председателя Мао, статью пропагандистом идей Мао Цзэ-дуна, всем сердцем и всеми мыслями служить народу. Однако поскольку Пекинский университет находился в руках черной антипартийной шайки Лу Пина (бывший ректор и первый секретарь парткома Пекинского университета, подобно руководителям ряда других высших учебных заведений КНР, недавно снят со всех постов) и ими твердо было проводилась линия прежнего Пекинского горкома на буржуазно-ревизионистское просвещение, это не позволяло мне изучать труды председателя Мао. В расписании занятий совсем не было предмета «Избранные произведения Мао Цзэ-дуна». Под нажимом революционных масс они изредка говорили немного о работах председателя Мао. Однако элементы из антипартийной черной шайки тысячами способов выхолащивали суть идей председателя Мао, разнузданно извращали идеи председателя Мао и нападали на них, навязывали нам свои ошибочные реакционные взгляды. Во время экзаменов они также делали критерием оценок свои ошибочные взгляды. Например, элементы из черной шайки, сбучавшие нас философии, открыто советовали накануне экзаменов: «Независимо от того, насколько правильны твои взгляды, ты сначала должен ответить то, что говорилось в лекции, потом скажи свое, иначе пятерку не получишь». Именно так открыто и безбоязненно они подавляли наше стремление изучать идеи председателя Мао. За два первых года обучения на философском факультете Пекинского университета я не изучал по-настоящему труды председателя Мао, убивал большую часть времени на всякую там пропитанную отравой ревизионизма психологию, на всякую там вонючую и длинную логику, а также на иностранный язык, на математику, на биологию, на физику, на китайский язык и т. п. Из-за того, что я не получил достаточного балла на экзаменах по иностранному языку, психологии и математике, мне три раза приходилось ходить на пересдачу, и по этой причине я не мог участвовать в различных движениях, имеющих революционный смысл.

Под таким жестоким господством буржуазной диктатуры, под таким гнетом, при котором главенствует успеваемость, я очень сильно морально пострадал, мое здоровье также оказалось серьезно подорванным. Эту реакционную систему необходимо изменить до конца!»

У китайского народа есть мудрая поговорка: «Учиться — все равно, что плавать против течения: остановился на минуту, и тебя отнесло назад». Теоретиков «культурной революции» это не смущает. Образование стало для них чуть ли не синонимом понятия ревизионизма. «Пытался проташить опыт Московского университета» — такое обвинение предъявлялось почти каждому из китайских лекторов, зачисленных в антипартийную «черную шайку».

Любые нападки на профессоров, учителей или учебные заведения неизменно сопровождаются антисоветской клеветой. Одного из деятелей просвещения в Китае привлекли к ответственности только за то, что он однажды произнес популярное у нас выражение: «Знание — сила». Китайской молодежи усиленно внушается, что лишь «идеи Мао Цзэ-дуна» — сила.

Семнадцать лет назад, когда китайская революция пришла к победе, она в числе прочего провозгласила принцип всеобщей грамотности, приняла специальную программу развития народного просвещения. В старых справочниках есть цифры, которые свидетельствуют, что в 1949/50 учебном году во всех учебных заведениях Китая насчитывалось 25,8 миллиона учащихся. А в 1955/56 — почти 60 миллионов. Какие цифры даст статистика будущего в этой табличке с датой 1966/67 учебный год? Пока же весь мир слышал, как будущие педагоги проповедовали на своих митингах и собраниях, что нужна система образования типа «полуучеба-полурбота», будущие медики неистовствовали у стен советского посольства, грозя «оторвать голову, разmozжить башку, выпустить кровь каждому, кто посягнет на учение великого Мао», будущие инженеры низвергали «буржуазные авторитеты»...

А Китаю так нужны для развития страны специалисты, десятки, сотни тысяч, чтобы поднять до совре-

менных высот технического прогресса целый ряд отраслей производства и сельского хозяйства.

«Нынешний год в деле образования будет шагом вперед», — трубят все китайские газеты.

«А может быть, десять шагов назад?» Последние сообщения из Китая показывают, с какими трудностями вновь начинают функционировать школы. Проблем немало. Прежде всего нужно собрать учащихся. И здесь уже на помощь приходят военные инструкторы. Много месяцев они руководили действиями хунвэйбинов, направляя их на штурм партийных и государственных органов. Теперь заставляют их вернуться в школы. В специальных объявлениях указывается, что занятия начнутся с военной подготовки.

Но собрать учащихся — лишь одна сторона дела. Нужно разыскать преподавателей. Многие, скрываясь от преследований, «пропали без вести», как заявляют хунвэйбины. С другими воспитанники расправились как с «нечистью». Приходится думать и о том, чем заменить уничтоженные учебные пособия, разломанные школьные парты.

И школьников, возобновивших занятия, заставляют хором читать изречения Мао Цзэ-дуна, распевать песни о «самом красном из краснейших солнц».

Отныне уже в школах не будет директоров, учебных и педагогических советов. Вместо них созданы «революционные комитеты», членами которых являются «революционные учителя» и хунвэйбины — учащиеся старших классов и вузов. Старые учебники упраздняются. Зато для изучения китайского языка и литературы рекомендуется проводить на уроках коллективные чтения произведений Мао Цзэ-дуна. Реформа предусматривает резкое сокращение сроков обучения и учебных программ.

Так происходит государственное планирование недоучек и начетчиков на многие годы вперед.

В китайской прессе сейчас употребляется немало слов-перевертышей, понятий с искаженным смыслом. Например, тех, кто видит свою цель в социалистическом и коммунистическом строительстве, именуют не иначе, как ревизионистами. «Революционерами» называют юных налетчиков, атакующих партийные горкомы. Весьма модный в последнее время ярлык

«монархист» присваивают тем людям, что осмеливаются возражать против сведения всех знаний и всех истин к сборнику цитат Мао Цзэ-дуна. Наконец, такое высокое для каждого коммуниста понятие, как культурная революция, здесь пытаются увязать с уничтожением книг, с отрицанием накопленной человеческой культуры, что дискредитирует высокие понятия об идеалах социализма. Надо заметить, что не вся китайская интеллигенция приняла идеи так называемой «великой пролетарской культурной революции».

Техническая и научная интеллигенция требовала развития народного хозяйства страны на научной основе. Их раздражали бесконечные схоластические рассуждения о том, на сколько процентов работник должен быть «красным» и на сколько специалистом.

Был предпринят немедленно ряд акций, чтобы изменить подобные настроения. В частности, весь мир был удивлен покаянным выступлением известного писателя и историка Го Мо-жо, который выступил в прениях по вопросу о «социалистической революции» в Китае. Это выступление «Литературная газета» опубликовала под заголовком «В порядке самоанализа». Го каялся в том, что он «не овладел идеями председателя Мао и не преобразовал самого себя», что все написанные им до сих пор произведения, «строго говоря, нужно полностью сжечь, они не стоят ничего». Президент Академии наук заявлял: «Мы, интеллигенты, разглагольствующие философы, историки и прочие, по сравнению с ними (с крестьянами, изучающими произведения Мао Цзэ-дуна. — *Ред.*) просто не можем считаться таковыми». То же самое он говорил и о китайских писателях: «Рабочие, крестьяне и солдаты, изучив произведения председателя Мао, сейчас пишут лучше нас». Заканчивая это выступление, Го Мо-жо заявил: «Хотя мне уже за семьдесят, но у меня есть еще мужество и воля; иными словами, если мне нужно повалиться в грязи, то я хочу это сделать; если мне нужно запачкаться мазутом, то я хочу это сделать...»

Но даже после этого в Пекине появился ряд листовок «красноохранников», в которых резко критикуется Го Мо-жо. В этих листовках его называли политическим капитулянтom и реакционным литерато-

ром. В них подчеркивается, что Го Мо-жо происходит из семьи крупного помещика. До победы революции он «был действительно среди революционеров, но носил фальшивое платье». Го Мо-жо, как подчеркивается в этих воззваниях, никогда не отрицал своего социального происхождения и по сей день продолжает оставаться врагом народа. «Красноохранники» заявляли, что они не позволят Го Мо-жо «хулить нашего вождя. Мы должны... проверить все его старые романы, разоблачить его преступления».

Древнее изречение гласит: не покаешься — не спасешься. Как видно, покаяние не всегда помогает...

Гуманитарная интеллигенция, обманутая лозунгом «100 цветов», стала в моральную оппозицию к Мао. Каждый китаец любит и понимает исторические аналогии. Поэтому защитники «великого кормчего» вскоре в статьях и пьесах о древних и мудрых мандаринах начали усматривать вызов Мао и поддержку «опальных» деятелей КПК.

Сегодня литературы как формы выражения народного сознания в Китае признавать не хотят. Дозволены произведения-панегирики в честь Мао и его идей. Во второй половине прошлого года пекинские писатели взяли обязательство за три месяца написать 500 произведений.

Трудно в эти дни писателю и деятелю культуры в КНР. Они должны потрафлять прихотям и капризам Мао Цзэ-дуна, иначе на них обрушатся громы и молнии критики, на квартиры пожалуют хунвэйбины, чтобы «дать указания». Изоляция от мировой культуры, отмежевание от Бетховена и Листа, Бальзака и Шекспира, Чайковского и Толстого, разрушение памятников — в Шанхае памятник Пушкину отправлен с пьедестала в утиль, — все это идет вразрез с подлинно коммунистической позицией.

Высшие достижения человеческой мысли, великие научные открытия, великие произведения искусства являются достоянием всего человечества. Но сегодня эти шедевры стали объектом атак хунвэйбинов.

И каждый здравомыслящий человек, естественно, говорит: «Это не «культурная революция». Это скорее контрреволюция».

КАК ДЕЛАЮТ**БОГА?**

Министр обороны Линь Бяо дал следующую оценку теоретическим работам Мао: «Председатель Мао намного выше Маркса, Энгельса... В настоящее время в мире нет такого человека, которого можно было бы поставить рядом с председателем Мао».

Нет, полностью марксизм здесь пока еще открыто не осмеливаются отрицать. Просто утверждают, что, «...изучая классические произведения марксизма, китайцы должны на 99 процентов изучать произведения Мао. Это учебник революции».

Многометровыми лентами тянутся по пекинским домам и заборам дацзыбао. «Красные охранники» предлагают сделать праздником всего китайского народа день рождения Мао Цзэ-дуна. В октябре по случаю семнадцатой годовщины образования КНР хунвэйбины предложили провести по всей стране «музыкальный фестиваль», разрешив выступать на нем только «революционным товарищам». И в дни фестиваля петь песни: «Произведения председателя Мао сияют золотыми лучами», «Сердца пастухов и идеи Мао Цзэ-дуна тесно связаны», «Книги председателя Мао — это сокровище революции», «Мы больше всего любим читать книги председателя Мао», «Председатель Мао ближе отца и матери», «Клянемся жизнью защищать председателя Мао!», «Клянемся жизнью защищать ЦК, возглавляемый председателем Мао!» Впрочем, этот последний призыв, очевидно, отражал реальное положение в стране. Ибо именно борьба против «врагов идей Мао Цзэ-дуна» явилась основным содержанием и главным лозунгом каждого этапа китайской «культурной революции».

«Теорию и практику тов. Мао Цзэ-дуна, — писал журнал «Хунци», — можно сравнить с солнцем на небе и полноводными реками на земле». Газета «Жэньминь жибао» в одной своей статье сравнивает идеи Мао Цзэ-дуна с «локомотивом, ведущим народы вперед», в другой — «с зеркалом — разоблачителем нечисти». Армейская «Цзефанцзюнь бао» назвала их «идеологическим и политическим биноклем и микроскопом, позволяющим наблюдать и анализировать все вещи и явления». Наконец, агентство Синьхуа в одном из своих материалов дало предельно краткую, но выразительную характеристику: «Идеи Мао Цзэ-дуна — магическое оружие».

Рядом с такими метафорами высказывания «авторитетов, пробравшихся в партию», действительно выглядят разительным контрастом. Так, например, председателю Пекинского комитета физкультуры и спорта (по поводу его высказывания негодует спортивная газета «Тиюй бао» в статье «Сорвать маску с черного бандита Чжан Цин-цзи») принадлежит высказывание: «Некоторые люди говорят об изречениях Мао Цзэ-дуна, что эта красная книжка способна раз-

решать любые вопросы. Это ошибочное мнение». В статье об одном из секретарей провинциального комитета КПК, озаглавленной «Посмотрим, какие черные товары, направленные против партии и социализма, продает Чжоу Хуань», газета «Ляонин жибао» пишет, что он, оказывается, пять лет назад осмелился сказать: «Во всех мелочах ссылаться на идеи Мао Цзэ-дуна — это не есть высокая идейность, это есть опoшление идейности». Заместитель заведующего отделом пропаганды ЦК КПК, как сообщает «Жэньминь жибао» в статье «Нанести удар по Линь Мо-ханю, облеченному властью, который идет по капиталистическому пути», когда-то неосторожно заявил: «Сводить все успехи конкретной работы и научные изобретения к результатам изучения идей Мао Цзэ-дуна — это упрощенчество и вульгаризация». Газета «Шэньси жибао» в статье «Разоблачение контрреволюционного элемента и ревизиониста Чжао Шоу-и» сообщила, что этот человек, второй секретарь провинциального комитета, однажды позволил себе так иронизировать о людях, заучивающих цитаты из Мао Цзэ-дуна: «Старые монахи твердят каноны». К произведениям Мао Цзэ-дуна, говорил он, «надо относиться конструктивно, а не молиться им, как Будде».

Уже много месяцев китайские газеты наполнены такого рода «разоблачениями». Среди людей, позволивших себе не восторгаться кампанией зубрежки цитат из Мао Цзэ-дуна, газеты называют Чжан Лицуня, который с 1950 по 1957 год был главным редактором молодежной газеты «Чжунго цинняньбао», секретаря Пекинского горкома комсомола Ван Цзя-ляо, ректора Уханьского университета Ли Да — участника I съезда КПК, а также многих и многих других деятелей КПК.

Авторы крамольных высказываний заносятся маоистами в черные списки, причисляются к тем, кто «наиболее упорно выступает против дела социализма, против курса и политики партии».

Курс и политика партии, как гласит пункт «б» статьи 31 Устава Коммунистической партии Китая, определяется съездом партии Китая. Посмотрим, как определил проблему взаимоотношений личности с

массами VIII съезд КПК, состоявшийся в сентябре 1956 года) «В противоположность вождям прежних эксплуататорских классов, — читаем мы в докладе съезду «Об изменениях в Уставе партии», — вожди политической партии рабочего класса стоят не над массами, а находятся вместе с ними, не над партией, а в самой партии. Именно поэтому вожди политической партии рабочего класса должны быть примером тесной связи с массами, образцом подчинения партийной организации и соблюдения партийной дисциплины. По своей сущности любовь к вождям является выражением любви к интересам партии, класса и народа, а не обожествлением личности. Одна из важнейших заслуг XX съезда КПСС заключается в том, что он раскрыл перед нами, к каким серьезным отрицательным последствиям может привести обожествление личности... Конечно, культ личности как общественное явление имел длинную историю, и он не мог не найти некоторого отражения и в нашей общественной жизни. Наша задача состоит в том, чтобы решительно продолжать проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления, и по-настоящему укреплять связи руководителей с массами, с тем чтобы во всех областях и полностью осуществить линию масс и демократические принципы партии.»

Устав КПК, принятый VIII съездом, указывает: «В партии недопустимы действия, нарушающие ее политическую линию и организационные принципы, недопустимы раскольническая и фракционная деятельность, своеволие по отношению к партии и действия, ставящие личность над коллективом партии.»

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«Обвиняя КПСС и другие партии в ревизионизме, китайские руководители в то же время проводят коренную ревизию марксизма слева, которая приводит к извращению и полной ликвидации основных принципов коммунистической теории.

Развернувшаяся в настоящее

время «культурная революция» в Китае является яркой иллюстрацией этой своеобразной ревизии, иллюстрацией не только ревизии марксизма, но и отступления от здравого смысла вообще».

*«Рабочническо дело»,
София*

В свете этих установок VIII съезда КПК приведены выше высказывания партийных работников, обвиненных в политических преступлениях вдохновителями и исполнителями «культурной революции», невозможно истолковывать как «выступление против курса и политики партии». «Вульгаризация», «опошление» — эти термины, пожалуй, слишком мягко характеризуют нынешнюю линию ЦК КПК на прославление и обожествление Мао Цзэ-дуна. 1 августа 1966 года газеты Китая вышли под заголовками: «Превратить заводы и фабрики в великие школы идей Мао Цзэ-дуна» («Гунжэнь жибао»), «Превратить нашу армию в великую школу идей Мао Цзэ-дуна» («Цзефанцзюнь бао») и т. д. И действительно, по всей стране внедряется система всеобщего постоянного, обязательного чтения статей Мао Цзэ-дуна. Их нужно не просто читать и даже не просто заучивать. Министр обороны КНР Линь Бяо требует: «Ныне вопрос не в том — изучаем или не изучаем». Необходимо еще и «применять» прочитанное. В масштабах огромной страны с большим населением идет нечто вроде массовой игры в подгонку любого дела, любого события, любого поступка под «идеи председателя Мао».

Даже простые научные формулы или продиктованные элементарным здравым смыслом вещи объявляются творческой интерпретацией философских идей председателя Мао. Достаточно вспомнить материалы агентства Синьхуа относительно «применения идей Мао» в игре в настольный теннис, в лечении ожогов, в изготовлении электроламп, в продаже арбузов, в парикмахерском деле...

Некоторые профессии приспособить к такой игре,

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«Безудержная антисоветская клевета китайских государственных и партийных руководителей не может изменить того факта, что именно Советский Союз предоставляет в распоряжение вьетнамского народа эффективное современное оружие для оказания сопротивления. Раскол и клевета помога-

ют не вьетнамскому народу, а только империалистам. Никакие решительные слова не могут заменить необходимых совместных действий, которые совсем недавно были недвусмысленно отвергнуты Компартией Китая на пленуме ее ЦК».

«Фольксштимме», Вена

оказывается, не сложно. Например, шахтер может сказать, что он выполнил или перевыполнил норму потому, что прочел статью «Юй-гун передвинул горы», а парикмахер может сказать, что хорошо стрижет людей потому, что прочел статью «Служить народу». Впрочем, при известной гибкости в эту игру можно включить представителя абсолютно любой профессии. Например, 47-летняя Чжэн Чунь-лан, по словам агентства Синьхуа, «...всегда думала над вопросом: как быть хорошей уборщицей в детских яслях. В статье председателя Мао «Памяти Бетьюна» она, наконец, нашла на это ответ». Журнал «Чжэсюэ янь-цзю» («Изучение философии») следующим образом описывает, как овладел искусством вождения шофер грузовика Тан Сянь-бинь: «Изучив диалектические идеи председателя Мао, — заявил он, — я начал применять их в своей водительской работе. Так, например, когда понял, что мелочи могут перерасти в большие катастрофы, я стал тщательно и регулярно осматривать машину, ремонтировать ее, с тем чтобы заранее уничтожить источник аварии».

А вот как корреспондент агентства Синьхуа объясняет недавнюю победу китайских мастеров пинг-понга над спортсменами Японии, Кореи, Вьетнама и других стран: «До начала международного турнира китайские спортсмены, отводя некоторое время необходимой физической тренировке и тактической подготовке, тратили большую часть времени на изучение трудов председателя Мао... Китайские игроки отметили, что председатель Мао сформулировал мудрый руководящий принцип для всех революционных спортсменов и всего народа Китая. Этот руководящий принцип сводится к необходимости презирать врага в стратегическом отношении и относиться к нему со всей серьезностью в тактическом отношении».

Империализм в своих попытках высмеять не только китайских руководителей, но и идеи коммунизма опирается именно на информацию такого рода, и «культурная революция» оказала огромную услугу империалистической пропаганде.

В комплекс «идей председателя Мао», который рекомендован китайскому народу для всеобщего изучения и применения, входят три статьи, названия

которых упоминались выше, и одна маленькая карманная книжечка в красном переплете. Такими книжечками салютуют на своих парадах хунвэйбины. Она содержит 422 цитаты. В большинстве своем это изложение общеизвестных вещей типа «революционная война — это война народных масс, вести ее можно, лишь мобилизуя народные массы». Упомянувшийся выше товарищ Ли Да (один из основателей КПК) однажды сказал об идеях председателя Мао: «Некоторые из них были высказаны Марксом, Энгельсом, Лениным очень давно. Другие были высказаны современными советскими философами. Приписывать их председателю Мао — это оскорбление предшественников, это незнание и вульгаризация марксизма». Заместителю заведующего отделом пропаганды комитета КПК Синьцзян-Уйгурского автономного района Лю Сяо-у, который подобно многим другим занесен в черные списки, приписывают высказывание о том, что фраза Мао Цзэ-дуна «ветер с Востока одолевает ветер с Запада», которую китайская пропаганда выдает за «марксистское теоретическое положение», принадлежит героине старинного китайского романа «Сон в красном тереме», а фраза о «бумажных тиграх» — сановнику одного из древнейших феодальных княжеств.

Из 422 цитат, включенных в эту красную книжечку, 336 сочинены до конца 1956 года. Возникает вопрос: если на своем VIII съезде Коммунистическая партия Китая не считала необходимым всеобщее и обязательное штудирование работ Мао Цзэ-дуна, то внес ли председатель КПК после 1956 года какой-либо качественно новый вклад в теорию социалистического строительства и антиимпериалистической борьбы, вклад, который мог бы послужить основанием для изменения политики партии в этом вопросе?

Из сообщений агентства Синьхуа мы знаем о заплывах Мао Цзэ-дуна по реке Янцзы. «Этот заплыв представляет собой тяжелый удар по империалистам и реакционерам всех стран», — будто бы заявил один «бирманский журналист», фамилию которого агентство Синьхуа, разумеется, «забыло» упомянуть. Вместе с тем в подборку международных откликов на заплыв оно не включило телеграмму одного вполне

конкретного лица — президента международной федерации пловцов-профессионалов на дальние дистанции Карлоса Ларьеры: «Результат, обнаруженный агентством Синьхуа, оказался почти на три часа лучше мирового рекорда на данную дистанцию» (пятнадцать километров).

Как событие колоссального значения истолковали газеты и то, что Мао Цзэ-дун 20 августа 1966 года написал тушью четыре иероглифа: «Чжунго-фунюй», что в переводе означает «китайские женщины». Эти иероглифы написаны им для нового заголовка журнала с этим названием. «Комитет культурной революции при федерации женщин КНР, — сообщает агентство Синьхуа, — предлагает женщинам всего Китая отныне ежегодно организовывать в этот день, 20 августа, смотр великих успехов китайских женщин в живом изучении и живом применении произведений председателя Мао».

Газеты то и дело празднуют «юбилеи» разных статей Мао Цзэ-дуна, без конца печатают фотографии его на площади Тяньаньмынь во время недавних встреч с хунвэйбинами. Молодежи КНР внушают: «председатель Мао думает за вас», и убеждают, что все уже существующие проблемы и те, которые могут возникнуть, уже заранее обдуманы и разрешены в его цитатах. А все, что не умещается в прокрустовом ложе маоцзэдуновских установок, есть «буржуазная идеология» и «ревизионизм». Эта политическая линия доведена до кульминации на XI пленуме ЦК КПК. Его коммюнике, упомянув в преамбуле, что работа пленума «шла под руководством тов. Мао Цзэ-дуна», дает Мао Цзэ-дуну такую характеристику: «Он гениально, творчески и всесторонне унаследовал, отстоял и развил марксизм-ленинизм, поднял его на новую ступень... Идеи Мао Цзэ-дуна служат для всей партии и всей страны руководящим курсом в любой работе».

Да, сегодня в Китае любой повод используется для проповеди культа Мао. Все города буквально наводнены цитатами из его статей. На тужурках служащих таможни, медперсонала, солдат, сотрудников вокзала и «Интуриста» пластмассовые красные пластинки с цитатами из Мао Цзэ-дуна. Цитаты на стол-

бах, на специальных стендах, на стволах деревьев, на камнях, на спинках кресел, на оглоблях повозок, над ресторанными столиками, над буфетной стойкой, на крышах глинобитных фанз Северного Китая, на шлагбаумах и будках путевых обходчиков, на тротуарах городов, на заводских трубах — сверху вниз, на самых высоких пагодах Пекина и в самом глубоком подземелье разрытой могилы одного из императоров, на цветочных клумбах зоопарка, на стенах гостиничных номеров, на радиаторах автобусов и на рулевом упоре велосипеда, на стеклах парикмахерских и на эмали термосов, на крепостных башенках Великой Китайской стены, на носовых платках, на лестничных клетках жилых домов, на отдельно вбитых в землю щитках в городских парках... Китаец сейчас не может сделать ни одного шага, чтобы не наткнуться на цитату.

На собраниях, митингах, концертах организуются коллективные хоровые исполнения этих цитат. Их читают перед киносеансами. Впервые в методике идеологической работы часть цитат переложена на музыку.

Радиочиткам цитат ежедневно отводится по полчаса, часу. Три раза в неделю в рабочих коллективах проводятся политзанятия, у каждого есть личный конспект трудов Мао.

Портреты Мао Цзэ-дуна носят по улицам, как иконы. Они вывешены в витринах магазинов, над подъездами учреждений, над входами в жилые дома и даже вместо божьей матери на некоторых церквях.

Каждый радиодень начинается в Пекине с чтения выдержек из так называемых «трудов» Мао. Затем следуют последние известия о событиях в мире. Заканчиваются последние известия, как правило, заметкой такого содержания: «Все революционные борцы разных стран, приезжающие в Китай, страстно желают приобрести долгожданные сокровища — произведения председателя Мао Цзэ-дуна... У многих людей, впервые взявших в руки эту книгу сокровищ, на глазах выступают слезы волнения. В ресторане, аэропорту и на вокзале Пекина часто можно видеть зарубежных друзей, которые сосредоточенно изучают сборник выдержек...»

Нельзя сказать, чтобы радио Пекина обходилось

без информации на социальные темы. Вот образец подобной информации. Одному рабочему на одном заводе выписали премиальные. И вот... «рабочий недоуменно держал в руках деньги. В это время его ребенку только что сделали операцию и он лежал в больнице. Очень нужны были деньги. «Братъ или не брать эти деньги? Получать или не получать премиальные?» Чэнь Ван-дун снова и снова возвращался к мучившим его вопросам. В раздумье он поднял голову, и в глаза ему бросился лозунг: «Труды Мао Цзэ-дуна — сокровище. Если возникнут вопросы, обращайся к ним, и на сердце у тебя станет легко».

В атмосфере страха китаец уже не мыслит себе даже предложения без слов «председатель Мао», уже не задумываясь над смысловой глупостью. Вот дословные записи разговоров из наших путевых блокнотов:

Пекин. Военный музей китайской революции. На открытой площадке выставлен сбитый американский «локхид У-2». Чем сбит этот самолет? Ответ сопровождающего: «Наш великий вождь, великий учитель, великий кормчий, великий полководец председатель Мао учит, что главная сила не в оружии, а в идеях».

Шанхай. Разговор с гидом.

Однажды в Наньцзине мы спросили у переводчика, интеллигентного человека с университетским дипломом:

— Что вы, например, делаете по вечерам?

— А что я должен делать? Я тружусь весь день, так что времени у меня почти не остается, ужинаю и изучаю произведения председателя Мао.

— Но зимой, когда мало иностранцев, видимо, у вас будет больше свободного времени. Чем бы вам хотелось заняться?

— Разумеется, зимой положение другое, и я более свободен, наконец-то я смогу глубоко изучить произведения председателя Мао.

Большими группами ходят по улицам китайских городов хунвэйбины, глазают по сторонам. У многих в глазах естественное мальчишеское любопытство. Но вот раздается сигнал — «красные стражники» строятся в колонну, вынимают из кармана красные книжечки с цитатами Мао Цзэ-дуна. Такая книжечка должна быть у всех: ведь в одном из проектов устава

хунвэйбинов сказано, что каждый из них обязан «безгранично любить председателя Мао, безгранично преклоняться перед председателем Мао».

Вожак громко декламирует отпечатанные на бумажке лозунги, остальные хором повторяют за ним, выбрасывая в такт руку с книжечкой: «Десять тысяч лет председателю Мао! Сто миллионов лет председателю Мао!..» Одни выполняют эту процедуру механически, другие в полном экстазе. Недавно в Сиани кто-то из таких парнишек развернул свежий номер местной газеты «Шэньси жибао» и увидел, что, если смотреть портрет Мао Цзэ-дуна на свет, прямо на него приходятся слова: «бумажный тигр», напечатанные на обороте. Стали собираться люди. Кончилось дело тем, что 20-тысячная толпа разгромила здание газеты. Ведь призвание хунвэйбинов, как пишет агентство Синьхуа, «защищать председателя Мао, защищать идеи председателя Мао».

Впрочем, Мао Цзэ-дун и является к ним как бог и повелитель. Он не разговаривает с хунвэйбинами, а только показывается и позирует перед кинокамерами. В течение полутора месяцев прошлого года Мао Цзэ-дун восемь раз появлялся на митингах на площади Тяньаньмынь, не сказав ни единого слова «красным бунтарям», которые фанатично приветствовали его. Место на площади, где он, спустившись с трибуны Небесного спокойствия, сидел 1 октября, наблюдая праздничный фейерверк, теперь чуть ли не священно. Газеты постоянно расписывают, как туда устремляются толпы хунвэйбинов и радуются до слез тому, что могут видеть место, где сидел председатель Мао, принося здесь обет верности.

Тот, кто побывал в Китае, отчетливо чувствовал, в каком силовом идеологическом поле находится рядовой китаец.

На аэродроме, отправляясь из Шанхая в Пекин, мы были свидетелями следующего. Едва мы успели расположиться на удобных низких скамейках и приступить к традиционному цветочному чаю, как в центре зала появился юноша и, обращаясь ко всем, сказал:

— Сейчас перед вами выступит самодеятельная бригада по пропаганде идей Мао.

Появился оркестр работников аэропорта, и под

его аккомпанемент снова (в который раз) мы услышали сахарную мелодию «Алеет восток» (Дун Фандун). Смысл этого неофициального гимна заключен всего в четырех строчках: «Восток заалел, солнце взошло. В Китае родился Мао Цзэ-дун!»

Затем хором с ритмичным выбрасыванием рук были прочитаны две цитаты из красной книги. В заключение симпатичные девушки исполнили танец с этими книжками, в котором все движения имитировали обращение к солнцу, обращение к сердцу, обращение к бюсту Мао, стоящему у них за спиной.

Не успели мы сесть в турбовинтовой лайнер ИЛ-18, на котором нигде так и не нашли советской марки, как в салоне появилась стюардесса. После привычных леденцов она предложила сначала ноты «Дун Фан-дуна», затем всех пассажиров пригласила исполнить хором эту «революционную песню». Еще не погасло сигнальное табло «Надеть привязные ремни! Не курить!», а она, яростно размахивая руками, дирижировала и подбадривала тех китайцев, которые пели вполголоса.

Минут через пятнадцать всем были розданы четыре цитаты Мао, разбитые на такты и переложенные на музыку.

При посадке в Пекине ситуация повторилась. Только теперь свое «искусство» изучения идей Мао демонстрировала уже вся бригада стюардесс.

В полупустом пекинском аэровокзале нас попросили присесть, пока привезут чемоданы. Буквально через две минуты появилось восемь девушек в серой

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«Обостряя свой антисоветский и раскольнический курс, руководители КПК берут на себя тяжелую ответственность перед историей и перед собственным народом за ослабление позиций международного социалистического лагеря, за раскол антиимпериалистического фронта и за все вытекающие отсюда последствия, опасные для дела мира, в особенности за продолжающиеся

страдания, людские и материальные потери вьетнамского народа».

*«Трибуна люду»,
Варшава*

* * *

«События, связанные с «культурной революцией» в Китае, не просто внутреннее дело этой страны. Они вызывают серьез-

форме с красными петлицами, сшитой по образцу формы солдат Народно-освободительной армии.

Всех вошедших они попросили прослушать выступления поэтесс, которые не только в стихах славят Мао, но и написали к ним музыку. Без аккомпанемента, почти не мигая во время пения, девушки рьяно исполнили несколько песен. Остальные же создавали фон колышущихся знамен, как по команде взмахивая красными книжками.

На каждом шагу, каждую минуту мы слышали имя человека, который на каждого китайца смотрит с витрин любого магазина, с обложки или первой страницы каждой газеты.

С его молчаливого согласия звучат сегодня в Китае лживые фразы об экономической блокаде СССР в отношении Китая, о несуществующих преследованиях китайских студентов в Советском Союзе.

Но в памяти народа еще свежи те дни, когда этот же человек, обращаясь к народу, говорил:

«...Только Советский Союз помог нам военной авиацией и материальными ресурсами».

«...Китайцы обрели марксизм в результате применения его русскими».

Сейчас буквально все приписывается мудрости и ясновидению Мао. Кроме трех «основных статей», 422 цитат и заплыва по Янцзы, с понятием «идеи председателя Мао» связан и «большой скачок», и линия на борьбу против СССР, и раскол международного коммунистического движения, и, наконец, «великая пролетарская культурная революция».

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

ную тревогу среди коммунистических и рабочих партий всего мира в том смысле, что они наносят удар в спину всемирному фронту антиимпериалистических, демократических сил, важным элементом которых является социалистический лагерь во главе с Советским Союзом. Этот удар, который наносится в момент, когда американские империалисты эскалируют свою агрессивную войну

против Вьетнама, когда они увеличивают свою помощь реакционерам и неонацистам в Западной Германии, усиливают нажим и плетут все новые заговоры против независимых стран Азии и Африки, создает серьезную опасность».

*Из заявления
Национального совета
Коммунистической партии
Индии*

На страницах этой книги мы уже говорили об этом. Впрочем, вот какую характеристику «большому скачку» дал один старейший китайский коммунист: «Большой скачок» — это обман, приведший к бедствиям, он подорвал благосостояние народа и оставил людям лишь кипяток для питья. Мы вышли из «большого скачка» с разбитыми в кровь носами». А вот его же оценка «внешнеполитической линии Мао Цзэдуна». «Утверждение «ветер с Востока — наш благодетель, ветер с Запада — наш враг» — пустая болтовня. Это выражение задиристо по содержанию и преследует цель доказать свое превосходство, что изолирует Китай и создает ему всюду врагов. СССР тоже большая страна. И не соглашаться с ее опытом неправильно. Подобно умственно больному человеку, мы выбрасываем учителя из классной комнаты».

Весьма красноречивая оценка происходящей ныне «культурной революции» прозвучала в листовке учащихся 3-й средней школы города Гуанчжоу. О налетчиках, атакующих руководящие партийные органы, авторы листовки пишут: «Эти вредители, эти звери фактически хотят оклеветать городские и провинциальные комитеты... Они провоцируют некоторых людей на выступления, вытаскивают на улицы ответственных партийных работников, зверски избивают их, заставляют становиться на колени; по десять с лишним часов не дают ни капли воды, ни горстки риса. Такие действия являются проявлением их глубоко врезавшейся ненависти к партии и социализму. Это классовая ненависть. Прошлые революционные поколения отдавали свои жизни и жертвовали всем, чтобы наше поколение могло улыбаться, радоваться жизни. После освобождения они самозабвенно трудились ради счастья нашего поколения. И вот сейчас какие-то негодяи творят вещи, которых не мог сделать враг с оружием в руках».

Эти признания ярче всего говорят о том, к каким последствиям ведет культ личности Мао, ставший идеологическим стержнем всей так называемой «культурной революции». Стремлением удержаться у власти порождена и система хунвэйбинов и обострение борьбы с прогрессирующим числом инакомыслящих.

ПОКЛОН РАСКАЯНИЯ

«Бейте по штабам!» — призывают стратеги «культурной революции» и хунвэйбины в своих речах. «Штабы — это руководящие партийные органы различных степеней», — разъясняет на всякий случай «Хунвэйбин бао», газета «красных охранников». «Некоторые люди слепо провозглашают лозунг: «Защитим провинциальный комитет». Это ошибочно. Мы ни в коей мере не можем слепо защищать руководство какой-либо местности. Нашим лозунгом может быть лишь «Защитим ЦК КПК, защитим председателя Мао», — наставляет далее «революционных учащих» газета «Хунвэйбин бао». И по всей стране подростки с красными повязками штурмуют партийные комитеты. Получил огласку текст письма, отправленного Мао Цзэ-дуну большой группой старых шанхайских рабочих: «В прошлом нас обстреливали империалисты и чанкайшисты. В настоящее время американские империалисты ведут жестокую войну против вьетнамских сестер и братьев. И в такое время есть люди, которые хотят «вести огонь» по нашему горкому партии. Только классовые враги могут замышлять такое». «Фашистскими и гоминдановскими агентами» именуется горком партии города Цзинхуа провинции Чжэцзян налетчиков, присланных из Пекина.

Неисчислимы трудности пережила за свою долгую историю славная Коммунистическая партия Китая. Тяжелые жертвы принесла она во имя дела социализма. И все-таки она, пожалуй, еще не знала столь трагической ситуации, как сейчас.

Никогда еще в истории не случалось, чтобы руководители какой-либо партии уничтожили различные звенья своей же партии. Но эта ситуация, как ни парадоксально, существует в Китае уже не первый год. Можно считать, что она возникла еще в сентябре 1961 года, то есть с того момента, когда истек срок полномочий Центрального Комитета, получившего мандат от VIII съезда партии.

Установив, что партийные съезды должны созываться не реже чем раз в пять лет, Устав КПК в

своей статье 33 подчеркивает: «Срок полномочий Центрального Комитета партии — пять лет».

В докладе об изменениях в Уставе КПК, который мы цитировали вначале, содержались, в частности, такие слова: «Проект Устава требует от каждого коммуниста строгого соблюдения Устава партии и государственных законов, соблюдения норм коммунистической морали; причем ни для кого из членов партии, независимо от их заслуг и занимаемых постов, не может быть сделано исключение... Заслуги и подвиги человека достойны уважения только тогда, когда он не кичится ими, не использует их в качестве обоснования своей «исключительности», а, наоборот, ведет себя скромнее и осмотрительнее, с еще большим чувством ответственности подходит к тому, что он является примером для других. В противном случае он неизбежно погрязнет в своей собственной кичливости и распущенности».

Это предостережение не подействовало на лидеров КПК, когда они в нарушение Устава партии удержали за собой те полномочия, которыми не имеют ни малейшего права пользоваться уже в течение целых пяти лет. Вот тут-то и возникла «стрельба по шта-

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«Члены группировки Мао провозглашают себя ортодоксальными марксистами-ленинцами. Но что бы сказали о них Маркс и Ленин, будь они живы сейчас? Чем больше я вчитываюсь в работы Маркса и Ленина, тем сильнее начинаю понимать, что китайский маоизм далек от марксизма.

Что же это за «революция», главные цели которой ограничиваются личными выгодами Мао, борьбой за сохранение у власти его сторонников? Во имя чего по произволу одного человека мобилизованы миллионы людей, страдает китайская экономика, страдает дело мира? Маркс и Ленин ни-

когда бы не согласились с такой «революцией».

Ленин, партия русских коммунистов, поднимая народы России на революцию, ставили перед собой исторические задачи: свергнуть гнет эксплуататоров, поднять жизненный уровень трудящихся масс, принести миру мир. Вот почему Октябрьская революция 1917 года имеет всемирно-историческое значение. А Мао, а китайская «культурная революция» — что несут они народу Китая или той же китайской молодежи, которой отведена роль движущей силы нынешних событий в КНР?

Цель «культурной револю-

бам», направленная против многочисленных партийных работников, которые, вероятно, ждали, что в конце концов состоится IX съезд КПК.

Вытравить эту надежду призваны были штурмовые отряды хунвэйбинов и цзаофаней.

На стенах многих домов Китая немало фамильных иероглифов партийных деятелей из провинций и городов, чьи «собачьи головы надо размозжить». Их не пишут на призывах обычным порядком; они опрокинуты, перечеркнуты красными крестами, с них стекают изображенные темпераментными «художниками» капли крови, над другими поднимаются язычки огня. Это настрой на физическую расправу, на террор. В черные списки попала вначале четверка: бывшие секретарь Пекинского горкома, член политбюро ЦК КПК Пын Чжэнь, начальник генерального штаба китайской армии Ло Жуй-цин, бывший заведующий отделом пропаганды ЦК КПК, кандидат в члены политбюро, заместитель премьера КНР Лу Дин-и, кандидат в члены секретариата ЦК КПК Ян Шан-кунь.

Но с каждым днем к ним дописывались новые и новые фамилии.

Улицы запестрели уже новыми призывами: «Вон

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

ции» вовсе не упрочение мира, который так нужен китайскому народу, не мобилизация китайцев на мирное экономическое строительство. Вместо этого их заставляют маршировать в колоннах бесконечных политических демонстраций, разрушать культурные ценности, ту же затягивать пояс. Я убедился собственными глазами, как трудно живет китайский народ. А ведь Китай богат природными ресурсами, рядом Япония, другие страны Азии, не имеющие таких ресурсов.

Казалось бы, чего проще — торгуй, развивайся, дружи. Так нет, людей заставляют

страдать ради создания водородной бомбы, ради маниакальных планов военного могущества, ради обострения международной обстановки в Азии и во всем мире. «Культурная революция» в таком виде, в каком она проводится в КНР, не нужна ни самому китайскому народу, ни другим народам мира. Я верю, что со временем китайский народ поймет это и скажет свое решительное «нет» авантюристическим затеям Мао и его группы».

*Хиротацу Фудзивара,
политический обозреватель,
профессор токийского
университета «Мэйдзи»*

Лю Шао-ци из ЦК!», «Опрокинем Дэн Сяо-пина!», «Откроем огонь по Хэ Луну!», «Рассчитаемся с Ли Бао-хуа!» Позднее прибавилось имя Чжу Дэ. Напомним, что Лю Шао-ци — председатель Китайской Народной Республики, Дэн Сяо-пин — генеральный секретарь ЦК КПК, Чжу Дэ и Хэ Лун — виднейшие военачальники Китая. Ли Бао-хуа — бывший секретарь Анхуэйского провинциального комитета партии, сын основателя Китайской компартии Ли Да-чжао.

В восьмом номере газета «Шоуду хунвэйбин» почти две полосы отдала пересказу выступления представителя «красных охранников» Харбинской военно-инженерной академии на Всекитайском совещании ударников по изучению и применению трудов Мао Цзэ-дуна.

В ней подчеркивается, как харбинские «бунтари» настойчиво вели огонь по штабу группировки во главе с секретарем городского комитета партии Жэнь Чжун-ци и секретарями провинциального комитета Ли Фан-у, Ван И-лун, Чэн Вэем, которые якобы установили в учебных заведениях города порядок: для написания дацзыбао нужна санкция партячейки, запрещались дискуссии.

Далее газета пишет: «В ответ на подрывную деятельность городского комитета партии революционные хунвэйбины, одетые в военную форму с закатанными рукавами, направились к зданию горкома партии, чтобы выразить негодование тухлым подонкам, идущим по капиталистическому пути». У здания комитета собравшиеся скандировали: «В провинциаль-

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В У Ю Т О Ч Е В И Д Ц Ы

ЕВГЕНИЯ ВИНОГРАДОВА,
младший научный сотрудник
Института народов Азии Академии наук СССР, кандидат
искусствоведческих наук

— Всякий раз, когда здесь, в Москве, смотрю я на отбитый кусок чудесной керамики, украшавшей одно из зданий в

Пекине, вспоминаются совсем недавние бесчинства хунвэйбинов, совершаемые во имя так называемой «великой культурной революции». Судите сами, я, которой полюбили китайское самобытное искусство, была на улице, когда подвергалась уничтожению то, что падало под рубрику «феодалной культуры», хотя все это создано простыми народными

ном комитете есть живые черты, есть старые черты — вытащим их наружу и разделаемся с ними». Однако никто из работников комитета не осмелился встретиться более чем с 50-тысячной армией хунвэйбинов.

По словам газеты, победа была одержана на общегородском митинге «красных бунтарей», где собралось 100 тысяч человек. Здесь было принято решение, требующее снять с постов названных выше руководителей.

Прикрытая демагогическими лозунгами, продолжается расправа над партийными кадрами. К настоящему времени снято с постов либо политически дискредитовано и ошельмовано более двух третей членов и кандидатов в члены ЦК КПК восьмого созыва.

Как отмечают наблюдатели, в КНР осуществляются практические шаги, направленные на дальнейший развал низовых парторганизаций. От цзаофаней требуют «захватить власть в партии», «разбить вдребезги и уничтожить Устав партии», «гнать из партии» всех, кто не выступает в защиту Мао Цзэ-дуна. «Жэньминь жибао» в передовой статье от 4 февраля 1967 года фактически прямо призвала отменить дисциплину и авторитет партии, заменить их «авторитетом ревкомов» и вести борьбу, «невзирая на какую-то дисциплину в партии».

Отвечая на эти призывы, хунвэйбины объявляют о роспуске партийных и комсомольских организаций. При этом они не скрывают в своей печати, что в их планы входит создание «новой маоцзэдуновской Ком-

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ

умельцами. Так мне и запомнился тот день: обломками культурных ценностей усыпаны улицы, по которым под конвоем хунвэйбинов ведут людей с оскорбительными надписями-бирками, повешенными через шею. Бросалось в глаза и другое: прохожие, которые встречаются с обреченными на улицах, стараются делать вид, что это их не касается. Видимо,

многие запуганы происходящим.

Приехала я в Китай незадолго до «культурной революции». Мне хотелось собрать материал о китайской живописи — в ней так много самобытного и интересного. Мы еще мало знаем об этой стороне китайской культуры. Самые теплые воспоминания остались у меня от научного руководите-

партии Китая», которая «должна быть образована из лучших представителей цзаофаней».

Ставка сделана на юнцов, на поколение детей, которые могут стать «социальным динамитом» в крепкой, с вековыми устоями семье. Им пишут в программе — критиковать родителей, не церемониться с педагогами...

И подростки врываются в дома, угрозами принуждают людей к унижительным поступкам, закрывают лавки, срывают кресты с церквей, стригут женщин, публично насмеваются над педагогами и профессорами.

В словаре «великой культурной революции» есть название гражданской казни «коу тоу» — «поклон раскаянья».

После пинков и истерических криков человека снова и снова силой заставляют стоять в полусогнутом положении с опущенными руками. Так низвергают «буржуазные авторитеты людей, облеченных властью, но идущих по капиталистическому пути», а на деле уничтожают подлинный цвет нации, многих отдавших свои силы делу становления Китая, имеющих свои твердые взгляды и жизненные принципы.

Широкая чистка среди интеллигенции и работников аппарата коммунистической партии, новый проект перестройки всей жизни Китая по образцу аскетической жизни в Янани в тридцатые годы, выпячивание «идей Мао» — эти и другие события явно указывают на неудовлетворенность результатами предпринятых до сих пор усилий правящей верхушки КПК по идеологической обработке народа.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ

ля, образованнейшего человека, знавшего хорошо не только искусство своей родины, но и искусство других народов.

Я встретила профессора после начала «культурной революции». Он сделал вид, что не знаком со мной. Уже позже я узнала, что, будучи хорошим

каллиграфом, он пишет для хунвэйбинов стенные газеты — дацзыбао, где обливаются грязью руководство института, Советский Союз.

Я сожалею, что не по моей вине была прервана работа над волновавшей меня темой. Но все же я буду продолжать свои исследования.

Кажется странным, что сейчас, когда Китаю совершенно необходим подъем экономики, чтобы прокормить его огромное население, когда необходимы такие огромные усилия по просвещению народа, ликвидации неграмотности, улучшению быта, молодежи так бесцельно растрчивает энергию на пресечение любой оппозиции Мао Цзэ-дуну и уничтожение людей, которых Мао боится видеть в списке своих преемников. Психологическая обстановка, сложившаяся сейчас в Китае, отбрасывает его назад на десятки лет.

Действия «красных охранников» означают отказ от руководящей и организующей роли партии и направлены на то, чтобы устранить саму партию.

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ КОМСОМОЛА

Сорок семь лет назад в августе 1920 года в Китае возникла первая ячейка социалистической молодежи. В минувшем году в Китае эта годовщина рождения марксистско-ленинского движения китайской молодежи не отмечалась. Зато на улицах Пекина в августе 1966 года можно было видеть молодых людей, расклеивающих на стенах домов большие рукописные дацзыбао с призывом запретить ношение комсомольских значков. «Каждый обязан выбросить комсомольский значок, — кричали иероглифы. — Надо вырвать с корнем эту ядовитую траву».

Молодые люди держались весьма уверенно. На рукавах у всех красные повязки. Они били в красные барабаны и размахивали красными флагами, комсомольские значки действительно исчезли. Исчезла и газета «Чжунго цинняньбао» — орган ЦК китайского комсомола. Ее 3293-й номер от 29 августа оказался последним. Он был посвящен встрече Мао Цзэ-дуна с «революционными учащимися и преподавателями», где им были публично санкционированы отряды хунвэйбинов, или «красных охранников».

На последней странице этого номера, как всегда, сообщались телефон редколлегии и подписная цена на месяц. Однако на следующий день газета не вышла. А две недели спустя почта стала возвращать

подписчикам деньги. При столь же необычных обстоятельствах без какого-либо предупреждения прекратил свое существование и журнал ЦК комсомола «Чжунго циннянь», последний номер которого вышел 16 августа. Зато во дворе здания ЦК КСМК открылась «выставка преступлений ЦК комсомола». На улице возле здания ЦК появились люди с плакатами, одобряющими реорганизацию ЦК КСМК, проведенную по решению ЦК КПК, хотя официально о такой реорганизации нигде в печати не сообщалось. Были расклеены листовки, в которых многие секретари ЦК китайского комсомола объявлялись членами «ревизионистской контрреволюционной черной банды, выступающей против коммунистической партии и председателя Мао», хотя в прошлые годы руководство ЦК КСМК весьма усердно следовало «указаниям председателя Мао».

Еще в августе 1958 года ЦК КСМК в решении об изучении произведений Мао Цзэ-дуна рекомендовал комсомольским организациям создавать повсеместно курсы по изучению его трудов.

Темы молодежных собраний становились все более искусственными и однообразными. Практически на таких собраниях обсуждался один вопрос: «О выкорчевывании правых элементов». В ходе острых, ожесточенных собраний каждый обязан был высказать свое отношение к генеральной линии партии, выступить «с раскаянием» перед коллективом и раскритиковать собственные заблуждения, а также ошибки товарища по работе, жены (или мужа), своих детей. Дело дошло до того, что даже на молодежных свадьбах жених и невеста должны были заняться самокрити-

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«Американские агрессоры и интервенты должны во всей полноте нести ответственность за войну во Вьетнаме. Но к этому следует добавить и другое: к сожалению, раскольническая политика китайских руководителей подбодрила хищный американский империализм.

Очень заблуждаются те, кто хочет представить разжигание китайским руководством антисоветских настроений как проявление «двусторонних расхождений» во взглядах. Речь идет о гораздо большем — о политической концепции, которая в корне противоречит насущным интересам народов и

тикой и критикой друг друга и произнести клятву на верность генеральной линии партии.

В период «большого скачка» в вузах страны фактически не преподавались социально-экономические дисциплины. Вместо них был введен курс социалистического воспитания, программы и учебники которого еще не разрабатывались. Советские студенты, обучающиеся в Пекине в 1959 году, рассказывали, что курс политэкономии китайские студенты геологического факультета проходят за 6 часов, а философии — за 11 часов.

В воспитании молодого поколения марксистско-ленинские принципы все заметнее вытеснялись «идеями Мао».

Воспитание любви к председателю Мао Цзэ-дуну проводилось среди пионеров. Детей обязывали разучивать песни о Мао Цзэ-дуне, каждому школьнику начальной и неполной средней школы предлагалось написать стихотворение о Мао Цзэ-дуне. Лучшие из них заносились в школьные журналы, затем публиковались. Пионерам старшего возраста предоставлялось по желанию выбрать то или иное произведение Мао Цзэ-дуна. Устраивались коллективные обсуждения в форме дискуссий. Письменные отклики каждого вывешивались на стенах в школе. Тем, кому в то время было 7—10 лет, сейчас 14—17. Многие из них теперь носят красные повязки хунвэйбинов.

В 1961 году народное хозяйство КНР вступило в период «урегулирования, укрепления, пополнения и повышения». Приходилось пожинать плоды тех субъективных ошибок, которые были допущены.

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

государств социалистического содружества, целям международного рабочего движения.

Все это не только трагедия китайского народа, но и суровое испытание для всего международного рабочего движения. Из этого положения мы можем выйти только путем

тесного сплочения рядов коммунистического движения, объединения всех революционных сил международного рабочего движения».

«Неспабадшаг»,
Будапешт

ны группой Мао Цзэ-дуна в период «большого скачка».

Вся деятельность комсомола и молодежи Китая срочно загонялась в рамки лозунга «Слушать все и делать все, что говорит Мао».

В обстановке переживаемых трудностей внутри страны, в обстановке углубления группой Мао Цзэ-дуна своих разногласий с международным коммунистическим движением и прежде всего с КПСС стратегии китайской революции разработали методы усиленной идеологической обработки молодежи и студенчества, ставя перед собой далеко идущие цели.

Необходимо отметить, что комсомол имел разную степень влияния на разные категории молодежи. Больше всего комсомольцев обучалось в учебных заведениях. На промышленных предприятиях комсомольцы составляли 20—25 процентов. Среди крестьянства комсомол охватывал в среднем 10—13 процентов молодежи. Всего в рядах КСМК тех лет насчитывалось около 30 миллионов юношей и девушек, то есть примерно $\frac{1}{2}$ часть всей молодежи.

По Уставу комсомол определялся как «массовая организация передовой молодежи Китая». Группа Мао Цзэ-дуна была крайне заинтересована в использовании комсомола для идеологической обработки молодежи. Процесс эволюции КСМК протекал в обстановке, когда руководящая группа Мао Цзэ-дуна усиленно проводила военизацию всего образа жизни молодежи Китая. В марте 1964 года состоялось заседание ЦК КСМК, представителей провинциальных и городских комитетов комсомола совместно с работниками Главпура Народно-освободительной армии. Была разработана программа, основной задачей которой являлось: «еще выше поднять красное знамя идей Мао Цзэ-дуна, проводить всеобщую учебу у армии».

В июле 1964 года состоялся IX съезд КСМК. Устав КСМК был пересмотрен по важнейшим разделам. Отныне требовалось, чтобы КСМК руководствовался «марксизмом-ленинизмом, идеями Мао Цзэ-дуна». Были определены основные задачи КСМК: «воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма, идей Мао Цзэ-дуна»; «член комсомола обязан усердно изучать марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэ-дуна».

Из других нововведений можно отметить, что желающий вступить в КСМК должен предоставить рекомендацию одного, а не двух членов КСМК (как было ранее).

Важным звеном в совершенствовании системы идеологической обработки комсомола и молодежи явился II пленум ЦК КСМК, созданный в марте — апреле 1965 года. Пленум потребовал: «Сделать идеи Мао Цзэ-дуна командной силой...»

Поднялась кампания за форсированный рост рядов комсомола, причем основное внимание было обращено на молодежь до 20 лет. Только за 1965 год в ряды КСМК приняли 8,5 миллиона новых членов.

II пленум ЦК КСМК обсудил и принял специальную резолюцию по вопросам воспитания детей, призывая «высоко держать великое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна» в пионерской работе. И уже III пленум ЦК КСМК подготовил движение хунвэйбинов. III пленум ЦК КСМК проходил в Пекине с 1 по 20 апреля 1966 года, в обстановке абсолютной секретности. Судя по весьма пространной резолюции, опубликованной через две недели после его окончания, и некоторым установочным статьям в молодежной печати, можно сделать вывод, что пленум работал в русле так называемой «культурной революции», начавшейся в конце 1965 года атакой на группу литераторов и деятелей искусства. Пленум провозгласил окончательное превращение КСМК в националистическую молодежную организацию маоцзэдунизма.

Комсомольскому активу была дана резолюция: «Прежде чем дать какое-либо распоряжение, необходимо изучать соответствующее указание председателя Мао. При проверке работы надо прежде всего проверять, как обстоит дело с изучением произведений председателя Мао». III пленум ЦК КСМК провозгласил комсомол «школой изучения идей Мао Цзэ-дуна».

Обращала на себя внимание опубликованная в период работы пленума статья газеты «Чжунго цинняньбао», в которой выражалось одобрение некоему студенту, переставшему посещать лекции профессора ради самостоятельного углубления в «идеи Мао Цзэ-

дуна». Это был сигнал к атаке на систему просвещения. Вплоть до сегодняшнего дня в официальной печати КНР не сделано официального сообщения о судьбе КСМК. Китайским комсомольцам до сих пор официально не сказано о судьбе их выборных органов. Зато в листовках хунвэйбинов, разоблачающих всевозможные «заговоры», комсомол нередко фигурирует как «черная», «в корне ревизионистская» организация. В многочисленных листовках, подписанных школьниками и студентами, содержались требования запретить даже ношение комсомольских значков. Советский студент, обучавшийся в Пекинском пединституте, был свидетелем разгрома институтского комитета КСМК. Несколько тысяч учащихся с барабанами и флагами окружили помещение комитета, поломали мебель, а членов комитета выволокли на цементное крыльцо, поставили на колени, били головой о землю и оплевывали со всех сторон. В листовках хунвэйбинов сообщалось о массовом роспуске комсомольских организаций в высших и средних учебных заведениях. ЦК КСМК практически разогнан. Самый крупный в мире Коммунистический союз молодежи низвергнут.

Возникает вопрос, зачем стратегам «культурной революции» потребовалось ниспровержение КСМК, который и так выполнял все рекомендации группировки Мао Цзэ-дуна по подготовке молодежи к «культурной революции»? Ведь КСМК уже несколько лет воспитывал подрастающее поколение в духе фанатичного преклонения перед личностью Мао Цзэ-дуна, в духе антисоветизма. Сами лозунги, сформулированные на III пленуме, мало чем отличаются от лозунгов хунвэйбинов.

Идеологическая работа в рамках КСМК велась последние годы таким образом, что для значительной части учащейся молодежи переход от комсомола к системе хунвэйбинов прошел безболезненно, сменилась всего лишь вывеска. Система хунвэйбинов была закономерной и неизбежной при проведении в жизнь политической линии группировки Мао Цзэ-дуна.

Стратегов «культурной революции» не устраивала организационная структура КСМК, основанная на принципе демократического централизма (даже в той

урезанной форме, в какой он сохранялся после III пленума ЦК КСМК). Этот принцип в какой-то мере ограничивал возможности произвола. Сами традиции комсомола, заложенные в годы революционной борьбы, шли вразрез с линией нынешнего руководства КПК.

Хунвэйбинам с самого начала было указано, что главная их задача — «обстрел штабов». «Штабы — это руководящие партийные органы различных ступеней», — разъясняла на всякий случай «Хунвэйбин бао», газета «красных охранников». Один из эмиссаров Мао Цзэ-дуна, откомандированный лично им в Чаншу, после кровавого столкновения хунвэйбинов с населением поучал студентов местного университета: «В Чанше был выдвинут ошибочный лозунг — доверять трем инстанциям: прибывшей из центра группе по проведению кампании социалистического воспитания, городскому комитету КПК и провинциальному комитету КПК. Это ошибочный лозунг. Мы имеем право доверять лишь идеям председателя Мао, председателю Мао и ЦК, возглавляемому председателем Мао».

Группировку Мао Цзэ-дуна не устраивало, что комсомольские первичные организации и комсомольские выборные органы действуют под руководством выборных партийных органов. Ведь в подавлении партийных органов (провинциальных, городских и районных комитетов) и есть главная цель так называемой «великой пролетарской культурной революции». В отличие от членов комсомола хунвэйбины призваны служить не народу и не делу партии, а непосредственно самому Мао Цзэ-дуну, подчиняться не партийным органам, а армии.

Таковы были предпосылки, обусловившие появление в Китае системы хунвэйбинов.

Вот что сообщали о судьбе комсомола листовки и дацзыбао.

Листовка «революционных комсомольцев» из Лояна: «ЦК КСМ Китая, захваченный частью ревизионистов, с начала и до конца полностью проводил ревизионистскую линию и пытался передовую организацию нашей пролетарской молодежи превратить в питомник возвращения ревизионизма. Они подрывали

классовую линию ЦК КПК; тащили в ряды комсомола «маленьких господ», помещиков и капиталистов, а также небольшую кучку правых элементов, изменяя таким образом состав и характер комсомола. Они намеревались превратить комсомол в орудие реставрации капитализма в Китае. Они бойкотировали слияние молодежи с рабочими и крестьянами, пытались повести молодежь по ошибочному пути, чтобы воспитать «привилегированную прослойку».

«Комсомольцы некоторых организаций и отдельные члены КСМ, — говорится далее, — заявили о коллективном выходе из комсомола, утверждая, что ЦК КСМ разложился, а комсомол превратился в орудие реставрации капитализма в Китае».

Лоянцы заявляют, что «отдельные низовые организации» «разложились», что ряды его «недостаточно чисты». Они предлагают КСМ Китая переименовать в «комсомол маоцзедунизма», выдать «билеты комсомола маоцзедунизма».

Еще один документ — «чрезвычайное воззвание к комсомольцам всей страны», обнародованное 3 сентября революционными учащимися 3-й средней школы города Ляоюаня. В нем содержится призыв во имя полного торжества идей председателя Мао немедленно аннулировать комсомольский Устав, комсомольское знамя, немедленно запретить комсомольские значки, распустить комсомольские организации всех ступеней, снять с должностей всех комсомольских вожakov.

Стратегам «великой пролетарской культурной революции», видимо, действительно удалось «преобразовать» идеологию, если ребята, родившиеся после революции и выросшие при народной власти, смогли так вот открыто глумиться над тем, что свято для всей передовой молодежи.

Однако один любопытный документ — листовка, отпечатанная типографским шрифтом от имени комсомольцев часового завода в Нинбо (провинция Чжэцзян), свидетельствует, что подобных взглядов придерживается не вся молодежь. Они пишут, что в районах страны имел место «ряд ненормальных явлений», как, например, «открытый выход из комсомола», «уничто-

жение значков», «отказ от уплаты комсомольских взносов» и даже призывы к «ропуску комсомольских организаций».

Касаясь заявлений о том, что «комсомол, находившийся в руках ревизионистских элементов, давно уже полностью превратился в орудие реставрации капитализма», комсомольцы из Нинбо отвечают, что «не комсомол проводит ревизионистскую линию, а вы, отбросы комсомола и общества».

В начале сентября одному видному деятелю КПК революционные учащиеся задали на митинге вопрос, как быть с комсомолом. Ответ был краток: «Не знаю, ЦК КПК этого еще не решил». В самом деле, ни в печати, ни в многократных выступлениях китайских руководителей на массовых митингах, посвященных встречам с молодежью, ни разу не упоминался многомиллионный Коммунистический союз молодежи Китая. Однако попытка упразднить комсомол не осталась незамеченной для широких масс китайской молодежи, как это могло казаться поначалу. В листовке, размноженной на ротаторе в провинции Шэньси, комсомольцы одного из технических училищ 18 сентября разыскали руководителей комитета КСМК своей провинции и задали им серию вопросов: «Правда ли, что реорганизован ЦК КСМК?» Вопрос свидетельствует о том, что члены крупнейшей в мире молодежной организации спустя месяц после проведенной административным путем реорганизации их выборного органа — Центрального Комитета — даже не были в том уведомлены. Работник провинциального комитета ответил молодым людям, что реорганизован лишь секретариат ЦК КСМК, взамен которого Центральным Комитетом КПК создан временный секретариат. Вот еще несколько вопросов и ответов этого необычного интервью.

— Надлежит ли упразднить комсомол?

— Преобразование секретариата ЦК еще не означает упразднение комсомола.

— Когда будет создан постоянный секретариат?

— Он будет создан на IV пленуме ЦК КСМК, который будет созван в период нынешнего движения культурной революции.

— Какова связь комсомольцев, входящих в состав хунвэйбинов, с комитетами культурной революции?

— Комитеты культурной революции и хунвэйбинов являются главным фактором движения за культурную революцию. Комсомольские организации должны активно поддерживать революционные действия комитетов культурной революции и хунвэйбинов. Комсомольцы, входящие в состав хунвэйбинов, должны активно откликаться на лозунги хунвэйбинов и активно поддерживать их революционные действия.

— Каким образом расширять комсомольские организации в период этого движения?

— В период этого движения, как правило, не следует расширять организации. Проводить прием в комсомол можно лишь в самых крайних случаях.

— В период этого движения следует ли подчиняться комсомольской организации?

— Лишь в том случае, если организация отвечает духу постановления ЦК о культурной революции. В противном случае не подчиняться.

Отвечая на вопрос, являются ли сомнительными Устав, знамя, значок, название комсомола, молодым людям сказали, что для обсуждения всего этого временный секретариат ЦК организует IV пленум. Если перечисленные вопросы отличаются конкретностью, четкостью и говорят о самой серьезной озабоченности комсомольцев создавшимся положением, то в ответах руководителей провинциального комитета КСМК явное стремление всячески уйти от прямого ответа. Что же касается рекомендаций провинциального ко-

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

«...История достаточно убедительно показывает, что если развитие общества процесс сложный, то и развитие отдельных личностей не происходит прямолинейно. Ни один человек не является сегодня совершенно таким же, каким он был вчера: либо он стал лучше, либо хуже.

Совершенно очевидно, что Мао Цзэ-дун, которыйзира-

ет с высоты трибуны на площади Тяньаньмынь, как десятки людей проносят его гигантскую статую, как тысячи людей несут его портреты, как поднимают сотни тысяч красных книжечек, содержащих его драгоценные изречения, уже не тот Мао Цзэ-дун, который скромно участвовал в руководстве революционными действиями, который выступал против штам-

митета КСМК, то в них откровенно звучит грубейшее нарушение Устава Коммунистического союза молодежи Китая, самая откровенная ревизия таких основных, принципиальных положений (о чем и писали цзилиньские комсомольцы), как: комсомол — массовая организация передовой молодежи, комсомол — школа изучения коммунизма и, наконец, основой всей его деятельности снизу доверху является демократический централизм.

Обобщая известные в настоящий момент факты, можно сделать вывод, что ликвидаторская линия КСМК натолкнулась на решительное сопротивление многих ячеек, главным образом на предприятиях и в школах производственного обучения.

Подчиненное положение сохранившихся комсомольских ячеек, по отношению к отрядам хунвэйбинов налицо. А хунвэйбины сейчас переживают период организационного укрепления. У них создается централизованная система штабов, органов связи. Они требуют официального закрепления за «красной охраной» всей издательской базы, принадлежавшей ранее комсомолу. Таким образом, даже если состоится IV пленум ЦК КСМК, КСМК будет переделан до основания. Об этом говорит одна листовка, набранная убористым типографским шрифтом. В ней указывается, что бывшие руководители ЦК КСМК строили работу по принципам «ревизионистского советского комсомола», и сообщается, что цель IV пленума — «до основания реорганизовать комсомол». Как подчеркивается в этом документе, «комсомол должен стать

П О С Т Р А Н И Ц А М Г А З Е Т

пов и готовых схем в партии, против догматизма, субъективизма, спешки.

То, что происходит сегодня в Китае, не было исторической необходимостью. Ошибок, которые отдалили правящую пекинскую группу от марксизма, можно было избежать. Доказательством тому служит сила сопротивления, оказываемого «культурной революции». Партия подверглась нападкам,

руководители были отстранены за то, что осознали, что Китай увлекли на неправильный путь. Несмотря на все попытки нынешней правящей группы, сопротивление ее политике не сломлено. Если даже сопротивление будет сломлено, оно непременно возродится».

*Жан-Эмиль Видадь,
французский
публицист-коммунист*

по-настоящему великой школой изучения идей председателя Мао, комсомольцем может быть лишь тот, кто беспредельно любит идеи председателя Мао, беспредельно верит идеям председателя Мао, беспредельно преклоняется перед идеями председателя Мао». Иными словами, готовится официальная ревизия коренных ленинских принципов организационной и политической работы Коммунистического союза молодежи.

Последние сообщения из Пекина говорят о дальнейших попытках ликвидации КСМК.

Цзаофани разогнали временный секретариат ЦК комсомола Китая. Руководители китайского комсомола, избранные последним съездом КСМК в 1964 году, всего несколько месяцев назад были сняты со своих постов и обвинены в выступлениях против Мао Цзэ-дуна. На смену прежним руководителям комсомола, заклеянным как «черные бандиты», пришел временный секретариат, призванный проводить в жизнь «линию Мао». Видимо, и этот временный орган не оправдал надежд организаторов «культурной революции».

Издаваемая хунвэйбинами газета «Синь бэйда» («Новый Пекинский университет») сообщила, что «смутьяны» распустили временный секретариат и «взяли в свои руки власть» в ЦК КСМК. Газета пишет так же, что Ван Дао отстранен от руководства временным секретариатом. Решением «смутьянов» его обязали «признать свои ошибки» и «разоблачить преступления» председателя КНР Лю Шао-ци, генерального секретаря ЦК КПК Дэн Сяо-пина и ЦК КСМК. Одновременно «смутьяны» заявили, что все, кто будет противиться этому решению, станут рассматриваться как «элементы», подрывающие «культурную революцию».

Однако среди хунвэйбинов нет твердого политического единства. Они делят своих собратьев на группировки. «Красные бунтари» из Пекина, прибывшие в Шанхай, вывесили воззвание, в котором всех соратников по движению делят на десять группировок: ниспровергатели, консерваторы, анархисты, трусы, сектанты, плывущие по течению, двуличные, с рабской психологией, ленивые, попутчики. Они призывают всех

самокритично оценить свою деятельность и определить, к какой же группировке они относятся.

В мировую прессу просочились любопытные признания хунвэйбинов, проливающие свет на психологию и механику этого «революционного движения». Вот отрывки из бесед, опубликованные в западных журналах.

В о п р о с: Какую роль вы играли в движении «красных охранников»?

О т в е т: Я был командиром группы, называвшейся «Корпус бунтарских красных охранников восточного флага». Я просто сделал флаг с такой надписью и вышел на улицу. Вскоре у меня появились сторонники. Нас было больше двадцати. В Шэньяне мой корпус вошел в состав больших групп, которые ходили повсюду, создавая беспорядки... Мы выполняли инструкции, вывешенные на стенах. Если кого-нибудь надо было подвергнуть чистке, мы помогали — иногда отправлялись к нему домой и там избивали его. Никто не отваживался остановить нас, потому что мы действовали от имени культурной революции.

В о п р о с: Как вы думаете, поддерживают ли люди «красных охранников» в осуществлении культурной революции Мао Цзэ-дуна?

О т в е т: Как раз наоборот. Когда мы врвались в частные дома, уносили или ломали там вещи, люди ругали и проклинали нас. Нас осуждали и боялись.

В о п р о с: Стремится ли молодежь вступать в движение «красных охранников»?

О т в е т. Конечно, это единственное, чем теперь можно заниматься. Раньше только учащиеся с хорошими оценками допускались в университеты и колледжи. Теперь же дело обстоит не так. Вопрос о поступлении туда зависит исключительно от вашей поддержки Мао Цзэ-дуна. Принадлежность к «красным охранникам» является основным мерилом.

Личные наблюдения убеждали нас в том, что активисты из хунвэйбинов далеко не бескорыстные люди. Многие из них рассчитывают на благодарность китайского руководства в виде постов, званий, славы. Другие рассматривают участие в «культурной революции» как удобный путь выдвинуться на руководящие должности.

КАК ОБМАНЫВАЮТ МОЛОДЕЖЬ

Огромная идеологическая машина ежедневно, ежедневно обрушивает волны пропаганды на головы идейно незрелых юнцов. В ее арсенале немало хитроумных приемов.

Одно из главных направлений — клеветническая пропаганда. Она злостно извращает каждый внешне-политический шаг Советского государства.

По тону, по грязным приемам эта пропаганда, пожалуй, превосходит все, на что когда-либо отваживались враги коммунизма, нашей партии и нашего народа.

Нынешние руководители Китая пытаются создать видимость «народного возмущения», втягивая в анти-советские выступления десятки тысяч людей, обманывая их небылицами о «кровавых избиениях в СССР», фабрикуемыми приближенными Мао. Этой цели подчинена сегодня деятельность всей пропагандистской машины Китая. Она изо дня в день разжигает страсти рассказами о «неслыханных зверствах», якобы учиненных против китайских граждан в Москве, занимается прямым подстрекательством толп подростков и молодежи, бросив лозунг «кровь за кровь». Известно, что Мао Цзэ-дун является автором оскорбительной для народа, прагматистской по своей сути теории, гласящей, что массы — «это чистый лист бумаги, на котором можно писать любые иероглифы».

Китайский народ не был «чистым листом». Совершив победоносную революцию, свергнув иго империализма и феодализма, выкинув с материка чанкайшистскую банду, он утвердил в своем сознании великие принципы свободы, мира, созидания, вечной дружбы с СССР. Именно потому группировке Мао Цзэ-дуна требуются огромные усилия, чтобы вытравить из сознания масс эти принципы, сделать «лист бумаги чистым», заменить принципы «иероглифами» собственного сочинения — «идеями Мао».

Организаторы так называемой «великой пролетарской культурной революции» стремятся воспитать у

молодого поколения фанатизм, слепое преклонение перед культом Мао.

Причем идеологическая обработка начинается буквально с ясельного возраста.

Недавно газета «Хунвэйбин бао» свой специальный выпуск посвятила шестилетней девочке по имени Цю Хун из города Циндао. «Воспитанная на великих идеях Мао Цзэ-дуна, — пишет газета, — она в четыре года уже знала, кто хороший, а кто плохой, познала, что надо любить, а что ненавидеть. С пяти она начала изучать произведения Мао Цзэ-дуна, в шесть лет уже наизусть декламировала три статьи и более 40 изречений Мао Цзэ-дуна...»

Девочку возили по предприятиям, учреждениям, учебным заведениям и воинским частям города Циндао. Затем она стала заниматься «пропагандой идей Мао Цзэ-дуна» среди пассажиров поезда «Циндао — Цзинань». Пекинские хунвэйбины узнали об этом и пригласили девочку в Пекин. Ей устроили торжественную встречу в пункте связи хунвэйбинов пекинских учебных заведений. Газета подчеркивает, что Цю Хун полна решимости «защищать председателя Мао, пропагандировать идеи Мао Цзэ-дуна».

— Цю Хун, разве ты не думаешь о семье? — спросил ее кто-то из хунвэйбинов:

— Нельзя думать о семье, — ответила, по словам газеты, девочка. — Революция важнее, победа идей Мао Цзэ-дуна важнее. Думать о семье — это догматизм.

Особенно выделяет газета «Хунвэйбин бао» возмущение девочки так называемым «советским ревизионизмом», тем самым выдавая подлинных организаторов «культурной революции», которые хотели бы привить даже детям неприязнь ко всему советскому.

Подлинные знания, к которым стремится китайская молодежь, подменяются «верным служением идеям Мао Цзэ-дуна». Пожалуй, лучше всего об этом сказали сами хунвэйбины, вывесив у парка Ихэюань такой призыв: «Нам не нужны мозги — наши головы вооружены идеями Мао Цзэ-дуна».

Органы пропаганды сознательно стремятся противопоставить детей отцам. Не скупясь на лесть и не

брезгуя троцкистскими формулировками, лидеры КПК всячески заигрывают с недоучившимися подростками, превознося их «революционность». В августе 1966 года газета «Жэньминь жибао» напечатала «Открытое письмо к папам и мамам», подписанное хунвэйбинами Н-ского учреждения, непосредственно подчиненного ЦК КПК. «Папы и мамы! — говорилось в письме. — Ваши дети поднялись на революцию, совершают ниспровержение, вступили в красную стражу! Вас называют старыми революционерами. Однако мы хотим сказать вам: среди старых революционеров имеются люди, которые мутят воду. До каких же пор вы будете мутить воду? Вы поражены заразой ревизионизма, и мы будем ниспровергать вас. В ниспровержении — истина. Будем ниспровергать до конца».

Этот документ — неприкрытое стремление скомпрометировать, очернить в глазах «молодежи эпохи Мао Цзэ-дуна» революционные традиции старшего поколения, сражавшегося против врагов Китая и завоевавшего право на свободный труд.

С помощью прессы, радио, телевидения день за днем стремятся молодежь убедить в том, что весь мир якобы рукоплещет китайской «культурной революции» и идеям Мао Цзэ-дуна. Поистине «великую стену» создали лидеры КПК на пути объективной информации из СССР и из социалистических стран.

В своих нападках на КПСС и Советское правительство газеты не брезгают грубыми фальшивками. К 49-й годовщине Октябрьской революции они приурочили публикацию анонимного «письма одного советского комсомольца» с пожеланиями, чтобы над Кремлем «развевалось знамя идей Мао Цзэ-дуна». Специфические обороты речи и лексика свидетельствовали о том, что «письмо» сочинялось на китайском языке. Русский же его «текст», опубликованный агентством Синьхуа, отличался всеми особенностями перевода с китайского, выполненного недостаточно квалифицированным переводчиком.

Китайская молодежь не знает о том, что советский народ помогает Вьетнаму, не знает имен наших космонавтов, не знает о молодежных ударных стройках, не знает цифр развития советской экономики. Впро-

чем, китайская молодежь не знает цифр развития собственной экономики. Такие цифры не публикуются в КНР с 1959 года. Их публикация была бы равносильна признанию провала «большого скачка».

Последние годы в Китае велась массовая пропаганда новых «героев» китайской молодежи, в основном из числа бойцов Народно-освободительной армии, погибших при случайных обстоятельствах.

Лично Мао Цзэ-дун в 1963 году отдал команду «учиться у Лэй Фэна», который после своей гибели оставил дневник, исписанный цитатами из его произведений.

Дневник издан с предисловием Мао Цзэ-дуна: «Учитесь у товарища Лэй Фэна. Мао Цзэ-дун», и Линь Бяо: «Вся молодежь должна учиться у товарища Лэй Фэна, быть верным солдатом председателя Мао. Линь Бяо».

Вот отрывок из дневника Лэй Фэна:

«1959 год.

Председатель Мао — это мой отец.

Идеи председателя Мао как солнце!»

«1959 год. Октябрь.

Вчера я слушал товарища, который вернулся с большого митинга в Пекине. Он рассказывал, что председатель Мао встречался с ними... В эти минуты мое сердце билось так, что готово было выскочить из груди. Я думаю, что однажды я тоже, как и он, увижу председателя Мао, о котором думаю день и ночь... О, вчера вечером я заснул и во сне увидел председателя Мао».

«1960 год. 8 января.

Я обязательно должен стать хорошим солдатом эпохи Мао Цзэ-дуна».

«1960 год. 21 ноября.

...Необходимо добросовестно изучать труды председателя Мао, слушать слова председателя Мао... Руководствоваться в делах указаниями председателя Мао, только тогда можно стать хорошим солдатом председателя Мао».

«1960 год. 18 декабря.

Каждое слово председателя Мао, каждый иероглиф председателя Мао прибавляют мне безграничные силы и глубоко учат меня».

«1961 год. 22 февраля.

...Когда я погрузился в сон, я увидел во сне председателя Мао... Я действительно стану хорошим солдатом председателя Мао».

В дневниках других героев та же фанатичная преданность Мао Цзэ-дуну, клятвы громить всех, кто выступает против председателя Мао.

Раньше у китайской молодежи были другие любимые герои.

Павел Корчагин и У Юнь-до, автор автобиографической повести «Все для партии», Александр Матросов и солдат Хуан Цзи-гуан, повторивший его легендарный подвиг.

Сегодня даже в залах Исторического музея не найдешь документов о подвиге Ху-лань, варварски зарубленной японцами, или о бесстрашном Ло Шэн-цзяо, спасшем корейского мальчишку.

Теперь в музеях целые стенды посвящены «новым» героям. Эти герои совершали подвиги и умирали уже с именем Мао Цзэ-дуна на устах.

...От неосторожного обращения с миной погиб солдат Ван Цзе. Пресса возвела его в ранг героя. Газета «Чжунго цинняньбао», орган ЦК КСМК, писала: «Ван Цзе — герой, возвращенный на идеях Мао Цзэ-дуна. Моральные качества Ван Цзе являются концентрированным выражением революционного духовного облика широких масс молодежи нашей страны. Такой образец, подобно Лэй Фэну, является духовной атомной бомбой, этот пример, безусловно, вызовет мощный отклик среди молодежи страны».

Группа Мао Цзэ-дуна, Главпур НОАК обратились к китайской молодежи с призывами: «Учиться революционному духу Ван Цзе, не бояться трудностей, не бояться смерти!»

В «дневнике» Ван Цзе — сплошные цитаты из Мао Цзэ-дуна и собственные «сочинения». Вот одно из них: «В настоящее время империализм, реакционеры всех стран и современные ревизионисты организовали большой антикитайский хор. Я, революционный боец с винтовкой в руках, приложу все усилия для боевой подготовки, буду в любое время готов разгромить все новые происки врага».

В мае 1965 года он сделал другую запись: «Сегодня в 10 часов утра успешно испытана вторая атомная бомба нашей страны, это еще одна важная победа нашей науки, это еще одна победа под руководством партии и председателя Мао Цзэ-дуна, еще один тяжелый удар по империализму и ревизионизму».

Цель популяризации подобных героев — доказать, что движение по изучению идей Мао Цзэ-дуна приняло массовый характер.

Кроме того, это мощная идеологическая обработка разных категорий молодежи.

Мао Цзэ-дун и его группа стремятся подчинить военной дисциплине и творческую жизнь страны.

В минувшие годы работники литературы и искусства не раз пытались говорить о том, что героям их произведений позволено совершать только образцовые поступки. Один из ныне «разоблаченных» писателей так выразил свою мысль: «Изображая положительно героя, мы как будто надуваем свинью, она разбухает, ее бреют, сбывают все недостатки, отмывают до блеска, свинья получается жирная и блестящая, но не живая». Но сегодня литературная иконопись возводится в рамки «революционного романтизма». В последнее время китайская пропаганда немало пишет о романе «Песнь об Оуян Хэе».

Этот 500-страничный роман армейского писателя Цзинь Цзин-мая вышел в свет в конце 1965 года. В нем со всей полнотой изображается герой социалистической эпохи.

Журнал «Хунци» оценил его как «духовную атомную бомбу, которая окажет огромное влияние на идеологический фронт и фронт литературы и искусства Китая».

Прототипом героя стал боец Народно-освободительной армии Китая Оуян Хай, который три года назад отдал жизнь, чтобы предотвратить железнодорожную аварию.

Внимание акцентируется на том, что Оуян Хай «...в обыкновенной работе добился замечательных успехов; в самый критический момент проявил самое большое мужество и самое возвышенное героичество. Но это отнюдь не какая-то случайность, а результа-

ты повседневного усердного изучения произведений Мао Цзэ-дуна...»

«...В самый критический момент Оуян Хай вскочил на насыпь и столкнулся с рельсов испуганного коня с пушкой на спине, который неподвижно стоял на пути мчащегося поезда. В это время у молодого бойца не изменилось лицо, не участилось биение сердца. В таком героическом поступке мы видим блеск идей Мао Цзэ-дуна».

Пресса пытается доказать, что успех романа — это успех коллективного творчества масс... Ведь автора воодушевляли руководители, редакция издательства переработала роман, а солдаты и крестьяне внесли в него много своих предложений.

«Рабочие, крестьяне, солдаты — на трибуну науки и искусства!» — призывает китайская пропаганда. Но за этими громкими фразами стоит на деле отрицание подлинного таланта тех, кто долгое время считался цветом нации.

„ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ“ ПО-ПЕКИНСКИ

Подводя некоторые предварительные итоги деятельности хунвэйбинов, газета «Жэньминь жибао» не так давно писала: «Через великую пролетарскую культурную революцию в нашей стране народы всего мира еще лучше познали великий гений председателя

П О П Р А Н Н Ы Е Р Е Ш Е Н И Я

В 1956 году в Пекине состоялся VIII съезд КПК, определивший цели и задачи партии на весь переходный период — от основания КНР вплоть до построения социализма. В прошлом году китайское руководство обошло полным молчанием эту знаменательную дату, поскольку оно своими же действиями нарушило цитируемые ниже постановления съезда.

* * *

«Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом. Только марксизм-ленинизм правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма...

Коммунистическая партия Китая выступает за внешнюю политику сохранения мира во

Мао, великий свет идей Мао Цзэ-дуна». Отметив, что происходящие в Китае события «потрясли небо и землю», газета далее писала: «Народы всего мира стали еще больше верить в то, что идеи Мао Цзэ-дуна являются самым могучим идейным оружием всех революционных народов». Но сегодня всему миру известно также и то, как китайские представители пытались учинять антисоветские дебоши в Ханое, Париже, Багдаде, Алжире, Пном-Пене и других городах. Более того, подобные провокации устраивались в Москве. К перечню бесчинств каждый день добавляются новые. Достаточно упомянуть о действиях хунвэйбинов на пекинском аэродроме при отъезде на Родину семей советских граждан, их злобные выходки против советских поездных бригад, обслуживающих железнодорожные составы на линии Москва — Пекин. Провокациям и оскорблениям подвергается советский персонал, направляющийся через Китай во Вьетнам, чтобы оказать помощь героической борьбе вьетнамского народа.

Группа Мао порвала с коренными принципами и установками социалистической внешней политики — интернационализмом, готовностью поддерживать другие социалистические страны и вести совместно с ними борьбу против империализма, стремлением защищать мир, бороться за предотвращение мировой войны, налаживать добрососедские отношения со всеми миролюбивыми странами и особенно со странами, освободившимися от колониального ига.

П О П Р А Н Н Ы Е Р Е Ш Е Н И Я

всем мире и мирного сосуществования стран с различным строем... Партия прилагает усилия для развития и укрепления дружбы со странами лагеря мира, демократии и социализма, возглавляемого Советским Союзом, укрепляет солидарность пролетарского интернационализма...

В партии недопустимы действия, нарушающие ее политическую линию и организацион-

ные принципы, недопустимы раскольническая и фракционная деятельность, своеволие по отношению к партии и действия, ставящие личность над коллективом партии...»

* * *

«Следует и впредь подвергать критике феодальную и буржуазную идеологию. Однако необходимо унаследовать и

Такую линию маоцзэдуновской группировки полностью одобряют империалистические круги. Как свидетельствует газета «Вашингтон пост», официальные лица в Вашингтоне считают, что Мао служит интересам американцев, а потому думают даже о том, чтобы «культивировать маонизм как средство давления на Москву». Американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» пишет, что «США делают ставку на Мао», что «американские официальные лица склонны предпочесть победу Мао Цзэ-дуна в его борьбе по уничтожению более умеренных элементов, так как это означало бы продолжение неприятностей для Советской России».

Подобные похвалы классового противника еще одно свидетельство того, насколько внутренняя и внешняя политика Мао Цзэ-дуна и его группы противоречит интересам социализма, играет на руку империализму, прежде всего империализму США.

Китайская «культурная революция» имеет свои международные аспекты. Политические события в Китае уже в начале нынешнего года обнажили авантюристическую сущность ультралевых внешнеполитических доктрин. Общественное мнение внутри страны, видимо, вызывало тогда серьезную озабоченность у китайских пропагандистов, которые усиленно искали аргументы для оправдания неподготовленных вооруженных восстаний. В прессе тогда стал фигурировать термин «крупные перегруппировки». Так, в разгар ан-

П О П Р А Н Н Ы Е Р Е Ш Е Н И Я

воспринять все полезное из прошлой культуры нашей страны и культуры зарубежных стран...

Для осуществления культурной революции в нашей стране надо всеми силами планомерно и постепенно ликвидировать неграмотность и постепенно ввести всеобщее обязательное начальное образование; вместе с тем среди рабочих и служащих, а также среди ра-

ботников учреждений следует организовать соответствующую их потребностям общеобразовательную, техническую и деловую учебу».

* * *

«Курс нашей страны в международных делах должен заключаться в следующем:

1. Продолжать укреплять и усиливать вечную и нерушимую

тикоммунистического террора в Индонезии несуществующая ныне молодежная газета «Чжунго цинняньбао» опубликовала статью, озаглавленную «Почему крупные перегруппировки являются хорошим делом». «Перегруппировки лучше спокойствия. Озеро с проточной водой лучше омута со стоячей водой», — говорилось в статье. «Например, в настоящее время в какой-то стране большими группами арестовывают и убивают коммунистов и прогрессивно настроенных людей. Убийства, конечно, причиняют известные потери революционным силам. Но тем не менее убийства помогают разоблачать злой облик реакционеров, с другой стороны — воспитывают народ. В результате неизбежно нарастает ненависть народов, еще быстрее повышается сознательность, еще больше людей включается в революцию. Революционеры получают еще больше опыта. В сущности, революционные успехи оказываются еще более надежными».

Странный вывод получался у этих теоретиков: чем больше революционеров погибает, тем лучше для революции.

Центральные газеты чуть ли не в каждом номере отводят по целой полосе тому, как человечество преклоняется перед идеями Мао Цзэ-дуна. Здесь ставка делается на незрелую молодежь. Эта пропагандистская линия китайских газет неизменно сопутствует всем мероприятиям «культурной революции».

Агентство Синьхуа лезет вон из кожи, чтобы доказать, будто весь мир «обожает председателя Мао и

П О П Р А Н Н Ы Е Р Е Ш Е Н И Я

братскую дружбу с великим Советским Союзом и всеми странами народной демократии...»

* * *

«Внутри партии необходимо уметь учиться у широких масс членов партии и кадровых работников, уметь прислушиваться к неодинаковым мнениям равных себе и нижестоящих

работников... Только при этом условии партийная жизнь будет полнокровной и не будет такого положения, когда партийное руководство, совершив ошибки, не может их своевременно исправить. Отрыв от масс, отрыв от коллектива, нежелание прислушиваться к противоположным мнениям и метод подчинения — все это может лишь помешать развитию нашего дела».

его идеи». Газеты полны сообщений о проявлении этой любви, причем каждый раз любящим оказывается безымянный «иностранный друг».

Подобно двум сторонам одной медали, в «великой пролетарской культурной революции» есть два международных аспекта. С одной стороны, китайской молодежи внушается, что ей рукоплещет весь мир. С другой, прививается подозрительность ко всему иностранному и ненависть ко всему советскому.

Пропагандистская линия искусственного противопоставления китайского опыта опыту СССР проявилась еще в 1958 году. Первоначально она выражалась в демонстративном третировании советских специалистов, в проведении абсурдных экономических «экспериментов», противоречащих опыту социалистического строительства в первой стране победившего пролетариата. Ныне это выражается в беспрецедентных идеологических и физических провокациях против представителей социалистических стран.

1 сентября 1966 года газета «Жэньминь жибао» опубликовала любопытное воззвание хунвэйбинов. Провозгласив для начала, что слава хунвэйбинов «прогремела на весь мир», авторы пишут, что хунвэйбины не хотят ограничивать свою деятельность пределами своей страны, что они намерены «бороться, бороться до конца с СССР», что они готовы «довести до конца борьбу и ниспровержение на международной арене». Воззвание подписано хунвэйбинами бывшей пекинской средней школы при институте «Цинхуа», которым Мао Цзэ-дун выразил свое одобрение еще 1 августа. О том, как хунвэйбины пытаются перекроить мир на свой лад, рассказывает еще один документ, отпечатанный типографским способом и расклеенный по всему городу.

Этот документ, разработанный организацией хунвэйбинов Пекинского народного университета, касается целей и методов проведения несостоявшегося фестиваля китайской и японской молодежи. Отметив в преамбуле, что «черная шайка, составленная из предыдущего министерства пропаганды КНР, Пекинского горкома КПК и ЦК китайского комсомола, проводила ревизионистскую и пораженческую линию, полностью предала революционные принципы», авто-

ры в первом пункте выдвигают такие требования: «Японская молодежь, которая прибудет на фестиваль, должна каждый день в течение определенного времени изучать избранные произведения председателя Мао. Вообще во время всех мероприятий надлежит читать для них избранные произведения Мао Цзэ-дуна». Пункт шестой гласит: «Надлежит организовать поездку японской молодежи на то место реки Янцзы, где плавал председатель Мао, и предоставить для изучения соответствующие документы, способствующие пониманию истины, что в плавании надо учиться плавать, в борьбе надо учиться бороться».

В девятом пункте говорится: «Все культурные мероприятия должны носить четко выраженный антиимпериалистический и антиревизионистский характер, должны пахнуть порохом. В оформлении везде должен быть красный цвет, всякие там розовый, серый, желтый — к черту!» Пункт десятый: «Что касается странной одежды, странных причесок, странных ботинок, которые носит японская молодежь, надо уговорами заставить их заменить».

Да, носить сегодня в Пекине «странные прически» и «странную одежду» чрезвычайно рискованно. Студентка из Вьетнама с трудом уберегла свои косы, которые хунвэйбинам показались «странными». Представитель одной восточной страны, как рассказывают журналисты, получил на улице удар палкой по голове за свой «странный» головной убор.

Ученицы средней школы, расположенной недалеко от посольства СССР, сочинили весьма своеобразный «дипломатический» документ, адресованный представителям социалистической страны, чья политика, по мнению руководителей КНР, является «странной»: «Теперь мы хотим выступить против вас, господа иностранцы; мы берем в руки тысячепудовую палицу и делаем кисель из вашего современного ревизионизма. Кое-кто бормочет с перепугу, запинаясь и заикаясь, что надо думать о каком-то «международном влиянии». Это настоящая чушь».

Однако тем, кто внушает китайским подросткам подобные идеи, все-таки пришлось подумать о международном влиянии. В Пекине вдруг спохватились: скоро 1 октября, государственный праздник 17-летия

КНР. Вот-вот приедут из-за рубежа приглашенные. Как почувствуют они себя в атмосфере столь решительного неодобрения всего «странного»? А вдруг кого-нибудь из них примут на улице за «советского» со всеми вытекающими отсюда последствиями?..

Цитировавшийся выше документ о китайско-японском молодежном фестивале датирован 31 августа. А 14 сентября на стенах появился «приказ № 9», изданный штабом патрульных отрядов хунвэйбинов: «Хунвэйбинам вменяется в обязанность:

1. Полностью использовать все экскурсии, встречи и беседы иностранных гостей для массивированной пропаганды идей Мао Цзэ-дуна, сделать так, чтобы гости увезли искры идей Мао Цзэ-дуна в различные места земного шара и разожгли пожар мировой революции.

2. Относиться к иностранным гостям с гостеприимством, уважать их обычаи и привычки. Стоя высоко и видя далеко, следует влиять на них политически, идеологически, недопустим шовинизм.

3. Каждый член патрульных отрядов и хунвэйбинов должен поднять бдительность, предотвратить происки классового врага, обеспечить работу по охране иностранных гостей.

4. Не надо препятствовать движению машин с иностранными гостями, не надо ходить за иностранными гостями, за исключением отдельных злонамеренных людей, как правило, не мешать иностранным гостям фотографировать; гарантировать им нормальную деятельность. В вопросы одежды, украшений, привычек иностранных гостей также не вмешиваться.

Хунвэйбинам предлагается совершить тактический маневр с целью на время пребывания зарубежных гостей подретушировать облик «культурной революции». Этот маневр раскрывает задачу, поставленную перед китайской молодежью теоретиками «культурной революции» в международном плане. Несколько месяцев назад в Китае поочередно нарекли «школой идей Мао Цзэ-дуна» комсомол, профсоюзы, армию. 1 августа газета «Жэньминь жибао» расширила эти рамки в передовице «Вся страна должна превратиться в великую школу идей Мао Цзэ-дуна». Ныне же застрельщикам «великой пролетарской культурной революции» масштабы страны с большим населе-

нием уже кажутся слишком узкими. В такого рода школу они хотели бы превратить всю планету.

КАК ПРОВОЖАЮТ ХУНВЭЙБИНЫ

Среди студентов-иностранцев, которым правительство КНР предложило покинуть Китай, был 23-летний студент Дашдава из Монголии, обучавшийся на последнем курсе Шанхайского текстильного училища. Местные революционные учащиеся устроили ему весьма своеобразные проводы.

2 октября 1966 года. Группа подростков с красными повязками среди бела дня забросала монгольского студента камнями, в результате чего Дашдава был вынужден потребовать защиты у полицейского, наблюдавшего за этой сценой с полным безразличием.

3 октября. Решив, что поскольку до отъезда остались считанные дни, а появляться на улице небезопасно, Дашдава остался в общежитии. В тот момент, когда он сидел у себя и слушал пластинки, дверь с грохотом распахнулась и в комнату ворвалось несколько парней. С некоторыми из них Дашдава был знаком, еще недавно встречался в студенческих аудиториях. Но сейчас они кричали, словно впервые его видели: «Кто такой?», «Как смеешь слушать контрреволюционную музыку?» Вести диспут об эстетике или юридической неприкосновенности личности было бессмысленно, и Дашдава попытался ответить непрошеным оппонентам их же излюбленной формулой. «Эта музыка болгарская, — сказал он. — Болгария — социалистическая страна, значит, музыка не контрреволюционная». Его слова вызвали еще больший гнев. «Это ревизионистская музыка! Запрещаем ее слушать!»

Впрочем, самые серьезные испытания были впереди.

5 октября. Вынужденный выйти в город для выполнения формальностей в связи с отъездом, Дашдава вечером возвращался в свое училище. На улице

Янаньсилу, метрах в 500 от училища, он остановился при виде большой толпы хунвэйбинов, окруживших седую женщину и заставлявших ее кланяться так, чтобы лбом касаться земли. «Мы с тебя собьем буржуазную спесь!» — кричали они модный в «культурной революции» лозунг. Вдруг кто-то из подростков увидел остроносые ботинки Дашдава. Последовал приказ: «Разувайся!» Вероятно, благоразумнее всего было бы разуться и идти в общежитие босиком, как это приходилось уже делать некоторым иностранным студентам, обучающимся в КНР. Однако Дашдава отказался выполнить это требование. Тогда вся толпа, оставив женщину, переключилась на него. Ему стали выкручивать руки, рвать одежду, волосы. Дашдава отбивался как мог. Его свалили на землю и хотели убить. Но тут среди хунвэйбинов возникли разногласия. Одни были готовы линчевать «враждебного элемента» на месте, другие сочли более целесообразным отвести его в полицию. И только в полиции Дашдава стало страшно. Если хунвэйбины могли принять его за какого-нибудь китайского эмигранта, который вернулся на родную землю, не продумав предварительно свой туалет, то полицейские прекрасно знали, что перед ними иностранный гражданин. Но перед монгольским студентом не подумали извиниться. Ему устроили многочасовой допрос, шантажировали: «Ты долго дома не увидишь, останешься здесь, в тюрьме, будем тебя судить». За что? «Ну, например, за то, что ты... избил восемь хунвэйбинов, — сказал ему полицейский не моргнув глазом. — Это очень серьезное преступление — избить восемь человек...» Наконец, его принудили подписать протокол допроса, содержащий, в частности, «признание», что он, Дашдава, «нанес троим хунвэйбинам удары рукой и пяти хунвэйбинам — ногой». Лишь шестого утром измученный и избитый Дашдава вернулся в общежитие.

Прощаясь на вокзале у поезда «Пекин — Улан-Батор», он сказал:

«Напишите все как было, но не раньше, чем я пересеку китайско-монгольскую границу». Да, ужасы, которые юноша испытал в китайской полиции, долго не забудутся.

АНТИСОВЕТСКИМ КУРСОМ

Большеглазый карапуз берет с земли камешек и, выкрикнув что-то воинственное, бросает его в проезжающую машину с советскими людьми. Малыш, должно быть, совсем недавно научился произносить «мама», но ему кто-то уже объяснил, как выглядит советский человек, и внушил, что кидать в такого камешек — это хорошо. Чтобы добиться этого, лидерам КПК понадобилось осуществить по сути контрреволюционный переворот.

В истории дружбы и сотрудничества между народами СССР и КНР есть немало славных страниц, относящихся к деятельности молодежи наших стран.

Ленинский комсомол всегда считал своим интернациональным долгом оказывать всемерную помощь комсомолу Китая.

Тысячи молодых специалистов — членов Ленинского комсомола побывали в КНР, вкладывая весь свой опыт и знания в строительство новых промышленных объектов, институтов, транспортных, энергетических и других сооружений по советским проектам.

Лозунг комсомольцев и молодежи Московского автомобильного завода имени Лихачева «Выпустим для народного Китая продукцию только первого сорта» стал лозунгом всех коллективов, выпускающих продукцию для КНР. Тысячи китайских студентов, аспирантов, стажеров получили возможность обучаться и приобретать профессии в нашей стране.

Между нашими союзами молодежи проводился обмен делегациями по самым разным вопросам комсомольской работы. Китайские товарищи в то время стремились к изучению опыта ВЛКСМ, и Ленинский комсомол всегда шел навстречу. Первой зарубежной группой слушателей в ЦКШ при ЦК ВЛКСМ была группа китайских слушателей. За 1952—1957 годы учебу в ЦКШ закончили 124 комсомольских работника Китая.

В резолюции съезда Ново-демократического союза молодежи Китая в 1957 году (этот съезд переименовал союз в Коммунистический союз молодежи Китая) говорилось: «Коммунистический союз молодежи Китая, верный принципам интернационализма, считает

своим высоким долгом сплочение с советской молодежью, с молодежью всех социалистических стран. Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи и молодежные организации других братских стран имеют богатый опыт борьбы. Мы должны умело использовать их опыт, учиться у них всему положительному, чтобы еще более повысить уровень нашей работы».

За годы сотрудничества между ВЛКСМ и КСМК сложились традиционные молодежные связи между республиками, краями, областями, городами Советского Союза и Китайской Народной Республики.

В 1966 году на наше приглашение направить на XV съезд ВЛКСМ делегацию КСМК ЦК КСМК ответил письмом, в котором официально провозгласил разрыв с Ленинским комсомолом.

За разрыв отношений между нашими союзами молодежи полная ответственность лежит на группе Мао Цзэ-дуна, которая воспитывает молодое поколение в духе великодержавного национализма, в открытую пропагандирует антисоветизм.

В докладе ЦК КПК на VIII съезде партии говорилось: «Единство и дружба Китая с великим Советским Союзом и другими странами социализма, основанные на общих целях и взаимопомощи, вечны и нерушимы. Дальнейшее укрепление и усиление этого единства и дружбы является для нас наивысшим интернациональным долгом и основой внешней политики нашей страны».

Через несколько лет после съезда в Китае началась беспрецедентная кампания по тотальному уничтожению реликвий, рассказывающих о СССР, о советской помощи, о советско-китайской дружбе. Эту кампанию официально санкционировал состоявшийся в августе 1966 года XI пленум ЦК КПК восьмого созыва. Восьмого потому, что после 1956 года КПК съездов больше не проводила. Нынешний пленум согласно Уставу должен был выполнять установки восьмого съезда. Вместо этого он подверг их окончательной ревизии. Значительная часть коммунистов, голосовавших за эти установки 10 лет назад, объявлена теперь «антипартийными черными бандитами».

Еще недавно лидеры этой антисоветской кампании всячески хитрили, утверждая, что они ненавидят лишь Советское правительство и руководство КПСС, но что к «широким народным массам» СССР они не питают враждебных чувств. Газеты печатали и до сих пор печатают всевозможные выдумки о том, что «советские люди восхищаются идеями председателя Мао». Лидеры КПК пытались противопоставить советский народ его партии и правительству, а заодно как-то замаскировать свою шовинистическую кампанию. В Пекине хунвэйбины торжественно срезали гербы пятнадцати союзных республик со здания бывшей советской выставки. В Шанхае они уничтожили величественный монумент, подаренный советским народом и изображающий советского и китайского рабочего. В Гуанчжоу они хлопочут об уничтожении слов «китайско-советская дружба» с беседки, построенной в честь советских людей, казненных реакционерами в 1927 году.

Этот политический вандализм проводится под видом «борьбы с ревизионистами». Слово «фансю» («антиревизионистский») и слово «фаньсу» («антисоветский») в сегодняшнем Китае совпадают не только фонетически. Ярлык «фансю» стал ныне одним из самых часто употребляемых маоцзэдуновской пропагандой в Китае, его привешивают ко всему, что хоть как-то связано с СССР: к лучшему пекинскому госпиталю (за то, что этот госпиталь построен и подарен Китаю советским народом); к одному из пригородных районов Пекина (за то, что там находится коммуна, носившая название имени китайской-советской дружбы); к пекинской улице (за то, что она ведет к посольству СССР). Впрочем, «антиревизионистских» улиц в Пекине сейчас много — ведь и следов советской помощи здесь очень много.

Два иероглифа «фансю» наподобие фирменной марки изображены теперь на ЗИЛах, «газиках», «Волгах», «Победах» — на всех автомашинах, предоставленных Китаю Советским Союзом, а также Польшей, Чехословакией, ГДР, Венгрией. Да и автомобили китайского производства точно копируют наши грузовики, поскольку Чанчуньский завод построен с помощью СССР, как и десятки других крупных заво-

дов, создававших основу промышленного производства КНР.

Лидеры «великой пролетарской культурной революции» проводят антисоветское воспитание китайской молодежи. Стратеги «культурной революции» использовали в качестве предлога для подобной кампании заявление Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 7 октября, которое в ответ на высылку из Китая советских студентов и стажеров решило сделать аналогичный перерыв в занятиях китайских граждан, обучающихся в СССР. 23 октября вечером у советского посольства появилась группа молодых людей с красными повязками. Действуя по-военному четко, они развернули рулоны бумаги и заклеили асфальт перед воротами антисоветскими лозунгами. Один из их руководителей в штатском выкрикивал цитаты Мао Цзэ-дуна, перемежая их призывами к «окончательному уничтожению современного ревизионизма», остальные вторили ему, выбрасывая вверх кулаки.

Во время пауз из толпы «приверженцев идей Мао Цзэ-дуна» неслась в адрес советских людей площадная брань. Бранью были встречены машины иностранных дипломатов, которые разъезжались после только что закончившегося воскресного киносеанса в клубе посольства. Они оказались в весьма затруднительном положении: ведь тому, кто коснется колесом наклеенного на дороге лозунга, грозит физическая расправа. Шоферам пришлось демонстрировать незаурядное искусство вождения, делая выражи по тротуару.

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В У Ю Т О Ч Е В И Д Ц Ы

АЛЕКСЕЙ ЖЕЛОХОВЦЕВ,
младший научный сотрудник
Института народов Азии Академии наук СССР

— Я выехал в Китай в научную командировку в феврале 1966 года. Мне нужно было собрать новые материалы для моей книги о китайской средневековой художественной прозе. Вот уже восемь лет я

с увлечением работаю над этой темой. Китайская проза средних веков изобилует интересными литературными памятниками. Многие эти произведения написаны ярким народным языком и полны жизнеутверждающего чувства, сознания материальности бытия. Они близки по духу новеллам Боккаччо.

Каково же было мое удивление и разочарование, когда

Газета «Жэньминь жибао» наутро вышла с провокационными аншлагами на первой полосе. Наряду с клеветническими утверждениями о том, что китайские граждане, обучавшиеся в СССР, будто «испытывали ограничения в чтении материалов и учебном процессе», пропагандисты пытались дезинформировать китайского читателя о самом содержании заявления советской стороны по указанному вопросу.

Газета «Жэньминь жибао» утверждает, что китайские студенты впали в немилость потому, что «пропагандировали перед советской молодежью и советским народом великие идеи Мао Цзэ-дуна... Решительно защищали дружбу между студентами и народами Китая и СССР». Чтобы понять, какой смысл вкладывают в нынешнем Китае в понятие «укрепление дружбы», достаточно взглянуть на истеричную толпу, окружившую советское посольство. За одну ночь антисоветскими лозунгами был обклеен весь город: заборы, стены жилых домов, магазины, древние башни. Некоторые их варианты повторяют аншлаги «Жэньминь жибао», другие еще более истеричны.

Для участия в бесчинствах у советского посольства к его воротам в организованном порядке приводили даже детсадовских малышей.

...Перед нами письмо от 25 марта 1960 года, присланное советскому посольству от управления по делам иностранных специалистов при госсовете КНР: «На протяжении нескольких лет в ходе нашего сотрудничества мы часто получали от Вас горячую разностороннюю братскую помощь, которая сыграла

С В И Д Е Т Е Л Ъ С Т В У Ю Т О Ч Е В И Д Ц Ы

в Пекинском университете, куда я приехал, мне сообщили, что художественная проза той эпохи считается в Китае «дурной, скверной литературой», или, как это называют, «дуцао»—«ядовитой травой», и что ее теперь не изучают. Когда я возразил, что Пекинский университет всегда славился как научный центр по изучению этой литературы, мне ответили,

что в Китае изменилась обстановка. Больше всего меня поразила вульгарная трактовка попавшей в опалу литературы. Как мне объяснили, она «изображает любовь на первом плане в жизни человека, что крайне вредно».

Мне предложили заниматься по другой теме — «Древняя историческая правда», и в силу сложившихся обстоятельств

огромную роль в воспитании у нас хороших специалистов. А недавно мы вновь получили от Вас двумя партиями 9451 книгу научно-технической и художественной литературы. Это значительно пополнило наши библиотечные фонды и создало нам еще более благоприятные условия для дальнейшего изучения советского передового опыта. За эту бескорыстную помощь и глубокую дружбу мы выражаем нашу самую сердечную благодарность».

Не счесть такого рода документов благодарности за искреннюю помощь советского народа. Но теперь книги в Пекине стали главным источником макулатуры на пунктах утиля, а к советскому посольству приносят листки бумаги такого содержания: «В наши сердца врезана вся старая и новая ненависть. Мы не забудем о ней и через сто, и через тысячу, и через десять тысяч лет!!! Однажды, когда придет момент, мы сдерем с вас шкуры, вытянем из вас жилы, сожжем ваши трупы и прах развеем по ветру».

Стратеги «культурной революции» не знают удержу в своем курсе ухудшения советско-китайских отношений.

«Ревизионистами» в Китае объявили театральных работников, ратовавших за постановку «Лебединого озера». Под лозунгом «Долой ревизионизм!» ниспровергли с постаamenta памятник Пушкину. «Антиревизионизмом» проникнуто и коммюнике XI пленума ЦК КПК. Место, отведенное в коммюнике осуждению (в самых общих словах) империализма, в три раза меньше, чем то, на котором лидеры КПК в са-

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ

я согласился, хотя и без радости. Мне дали в руководители известного в Китае ученого Го Юй-хэна. Этого человека я знал по его научным работам. Он автор многочисленных исследований в своей области, великолепно знающий свой предмет. В университете он руководил всей научной работой по истории литературы на филологическом факультете.

С болью я вспоминаю о судьбе этого человека, ставшего одной из многочисленных жертв «культурной революции». Он был осужден, причислен к членам «черной банды». Я видел карикатуру на него, которую повесили в числе других, изображающих «уродов и чудовищ». К ней была прикреплена биография, составленная в грубых, ругательных выраже-

мых крайних выражениях разглагольствуют о «советском ревизионизме». Так же выглядит раздел коммюнике, посвященный международным вопросам. XI пленум официально оформил антисоветизм в качестве основы партийной и государственной политики КНР. И не только внешней. Антисоветская линия является одной из основ внутренней политики китайского руководства, его ведущим курсом в воспитании подрастающего поколения.

Вести пропаганду против страны, оказавшей Китаю поистине колоссальную экономическую, военную и политическую помощь, разумеется, не просто. Построенные и реконструированные с помощью СССР предприятия давали возможность Китаю производить ежегодно 8,7 миллиона тонн чугуна, 8,4 миллиона тонн стали и многое другое. Тысячи наших специалистов помогли создать целые отрасли промышленности, которых не было раньше в Китае: авиационная, автомобильная, тракторостроение, энергетическое, тяжелое и точное машиностроение, приборостроение и т. д.

Чтобы вытравить у китайского народа чувство благодарности за все это, сбить клеймо с изделий советских заводов и заменить их надписями «фаньсю», конечно, недостаточно. Лидеры КПК пытаются ныне компрометировать советское оборудование. Коммюнике XI пленума сформулировало это как «ломку иностранных шаблонов и развитие промышленности своим путем». Это является одной из главных «основополагающих установок, выдвинутых тов. Мао Цзэ-дуном в последние четыре года». После пленума

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ

ниях, в которых была очернена вся его деятельность. Но аргументов, доказывающих, что он принадлежит к «черной банде», в этом «списке преступлений» я не обнаружил. Происходило удивительное: Го Юй-хэн был причислен к «черной банде» потому, что был известным ученым и у него было много научных работ.

Мои занятия были прерва-

ны до середины сентября, пока новая администрация, созданная в ходе «культурной революции», не назначила мне нового руководителя — выпускника университета. Его знания не могли идти ни в какое сравнение со знаниями Го Юй-хэна. Мой новый преподаватель был очень старателен, без конца цитировал Мао Цзэ-дуна, но эти цитаты как-то повисали

китайская печать буквально запестрела сообщениями об «успехах» и «рекордах», якобы достигнутых различными предприятиями КНР в результате одного лишь ниспровержения «ревизионистской» технической документации.

В сообщениях такого рода фигурировали и фушуньские угольные карьеры, и Цзинаньский автомобильный завод, и Уханьский металлургический комбинат, но чаще всего буровые бригады на нефтепромыслах. Китайских пропагандистов не смущало, что «ниспровержение технических правил» влечет за собой аварии, трагические человеческие жертвы.

Клевета на внешнюю политику СССР стала основной антисоветского воспитания молодежи Китая. Антисоветскими заголовками пестрели страницы молодежных газет. Авторы без тени смущения уверяли, что СССР — «виновник трагических событий в Конго, Доминиканской Республике, Индонезии». Главную ставку в своих пропагандистских провокациях они сделали на Вьетнам. Беспрецедентная ложь, направленная прежде всего на обман китайского народа, выглядит особенно красноречиво в сопоставлении с фактами.

30 марта. В послании XXIII съезду КПСС президент Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мин заявил: «В своей борьбе против американских империалистов за спасение родины, в защиту Северного Вьетнама, за освобождение Южного Вьетнама и объединение родины вьетнамский народ постоянно чувствует симпатии, поддержку и всестороннюю по-

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ОЧЕВИДЦЫ

в воздухе. Я спросил его при первой же встрече, как он стал преподавателем. Он заявил, и мне показалось даже с гордостью, что у него нет ни одной печатной научной работы. Я удивился: чему же радоваться? Мне было объяснено, что за каждую печатную научную работу автор теперь должен отвечать перед революционными массами, поскольку она вы-

шла в годы «черного царства». У него же научных работ нет. Что особенно сильно оскорбило меня как гражданина СССР, так это блокада советского посольства в Пекине. Я видел надписи и огромные рисунки, сделанные на стенах домов. На одном из таких рисунков размером полтора на полтора метра было изображено здание советского посоль-

мощь советского народа... Пусть с каждым днем крепнет и развивается боевая дружба между партиями и народами наших двух стран».

Китайские газеты об этом умолчали. Десять дней спустя один из лидеров КПК, Лю Нин-и, объявляет, что КПСС будто бы играет роль «пожарной команды», пытающейся потушить пламя революции, преднамеренно подрывает борьбу вьетнамского народа против американской агрессии, за спасение родины, выступает как сообщник американского империализма». Это «особое мнение» Лю Нин-и в дальнейшем повторялось десятки, даже сотни раз в различной форме.

18 мая. Секретарь ЦК Союза трудящейся молодежи Вьетнама Хо Чук, обращаясь к советским комсомольцам, сказал: «Позвольте выразить искреннюю благодарность Коммунистической партии Советского Союза, вашему правительству, великому советскому народу, Ленинскому комсомолу и всей советской молодежи за эту братскую и драгоценную огромную помощь». Однако две недели спустя китайский премьер-министр Чжоу Энь-лай на массовом митинге в Пекине сформулировал свое «особое мнение» о советской помощи Вьетнаму, заявив, что она якобы «является незначительной по количеству и низкой по качеству».

5 июля. Вьетнамская газета «Нян Зан», оценивая заявление этого совещания, пишет: «Очень ценная коллективная поддержка со стороны братских стран борьбы нашего народа против американских импе-

С В И Д Е Т Е Л Ь С Т В У Ю Т О Ч Е В И Д Ц Ы

ства с перекошенными колоннами. Над ним наш государственный красный флаг. Девочка-пионерка огромным булыжником долбит по этому зданию сверху. Надпись гласила: «Проснулся антиревизионистский дух китайского народа». На другом рисунке — громадного роста хунвэйбин, занесший каблук над зданием советского посольства.

29 сентября ко мне зашел один из сотрудников канцелярии университета и намекнул о предстоящем отъезде. Я уезжал из Пекина со смешанным чувством сожаления и обиды. Мне оскорбительно было видеть антисоветские надписи. В некоторых из них говорилось даже, что советским людям надо отомстить...

риалистических агрессоров... Могучая поддержка государствами — участниками Варшавского договора, другими братскими социалистическими странами, правительствами, стремящимися к независимости и свободе, и народами всего мира борьбы нашего народа против США, за спасение родины вылилась на практике в единый международный фронт, выступающий против американских агрессоров, в поддержку национально-освободительного движения, в защиту мира во всем мире». Однако китайских «теоретиков» такая формулировка отнюдь не устраивает. Некоторое время спустя в «Жэньминь жибао» появляется статья, в которой говорится: «Некоторые люди ныне предлагают какое-то «единство действий»... Если они пойдут по этому пути дальше, то неизбежно сомкнутся с ренегатами революции. Трудно вообразить политику, которая в большей степени поощряла бы империалистов США в их варварской войне против вьетнамского народа.

Не секрет, что в США — далеких по расстоянию, но близких к Китаю по вьетнамской войне — все чаще звучат нотки удовлетворения. Давно замечено: чем дальше Вашингтон расширяет войну в Индокитае, тем более чутко он реагирует на поведение китайского руководства — оно вдохновляет его.

Если накануне газета «Уорлд джорнэл трибюн» обратила внимание на почерпнутые из каких-то источников слова заместителя председателя ЦК КПК Линь Бяо о необходимости «идеологической перестройки партии и китайского народа», то позже американское агентство ЮПИ объявило о том, что Пекин далек от какого-либо «прямого вмешательства во Вьетнаме, несмотря на потоки его словесных протестов против бомбардировок американской авиацией жилых кварталов Ханоя». В свою очередь США, сообщает вашингтонский корреспондент «Нью-Йорк таймс», далеки от «ненужных трений» с Пекином.

В призывах, посвященных XXI годовщине августовской революции, опубликованных всей ханойской печатью, говорилось: «Горячая благодарность великой Коммунистической партии, правительству и народу Советского Союза за искреннюю поддержку борьбы вьетнамского народа против американских агрессоров».

ров, за национальное спасение. Да здравствует нерушимая дружба между вьетнамским и советским народами!» И в эти самые дни XI пленум ЦК КПК считал возможным публично заявить в своем коммюнике, что СССР якобы проводит «двурушническую политику мнимой поддержки и подлинного предательства в вопросе борьбы Вьетнама против американской агрессии».

У аккредитованных в Пекине журналистов социалистических стран вызвал тревогу антисоветский спектакль, разыгранный 1 октября на площади Тяньаньмынь. Внимание наблюдателей привлекли три оратора, обратившихся с речью к полутора миллионам участников праздничной демонстрации. Это были: министр обороны Линь Бяо, командир роты Н-ской воинской части и, наконец, вожак австралийских раскольников. Линь Бяо объявил, что китайский народ «...доведед до конца борьбу против современного ревизионизма, против КПСС».

Командир роты Н-ской воинской части сказал: «Как только председатель Мао прикажет, мы немедленно выступим в поход, чтобы решительно, окончательно, полностью и начисто уничтожить американских империалистов и их сообщников, которые осмелятся напасть на нас». Вожак австралийских раскольников выступил с провокационным намеком о «сообщниках», сказав, что СССР готовит «нападение извне на Китай».

Такого рода намеки звучат в КНР не впервые. В сентябре прошлого года один из высокопоставленных деятелей Китая сделал провокационное заявление о том, что СССР якобы замышляет какие-то антикитайские действия да еще вкупе с американским империализмом. Как известно, сейчас китайская печать значительно больше атакует СССР, чем США. Молодежный журнал «Чжунго цинняньбао» в одном из редакционных ответов на читательское письмо утверждал, что Китай может подвергнуться вооруженному нападению со стороны СССР. В мае, торжествуя по поводу третьего китайского ядерного взрыва, агентство Синьхуа опять намекало на «советскую угрозу». Оно поместило сообщение, что КНР якобы проводит испытания «в целях борьбы против осу-

шествляемой США в сговоре с Советским Союзом ядерной монополии для подрыва революционной борьбы всех угнетенных народов и угнетенных наций».

Несколько месяцев спустя Китай праздновал новый ядерный взрыв. После объявления об этом испытании на всех городских улицах Пекина зазвучал барабанный бой. В колоннах шли люди с обычными барабанами (те, что человек подвешивает на шею), барабанами побольше (двое его несут, а третий бьет) и, наконец, барабанами-гигантами, транспортируемыми на грузовых велорикшах (по такому барабану бьют вдвоем). Хунвэйбины несли флаги и увитые бумажными цветами портреты Мао Цзэ-дуна. Во время остановок они хором читали цитаты из красных книжечек, раскачиваясь словно на буддистском богослужении. Взрыв осуществлен, как объяснило агентство Синьхуа, «благодаря живому изучению и живому применению идей председателя Мао бойцами Народно-освободительной армии, научно-техническими работниками и широкими массами рабочих и служащих». Как ученые других стран ухитрялись до сих пор постигать законы ядерной физики без сборника цитат Мао Цзэ-дуна, в такие тонкости китайские пропагандисты не вдаются.

Празднование проходило в духе открытого антисоветизма. Штатные пропагандисты с особым усердием внушали китайской молодежи, что ее враг номер один — СССР. Столь откровенно в своей ненависти к первому государству рабочих и крестьян не решались выступать даже «бешеные» в США, возглавляемые Голдуотером. Известно, что «революция» и «антисоветизм» — понятия несовместимые. Известно также, что каждый контрреволюционер неизменно делал антисоветизм одним из краеугольных камней своей программы.

В свете упорной антисоветской пропаганды, непосредственно нацеленной на подрастающее поколение Китая, которое не знает, кто в действительности подрывает революционную борьбу угнетенных народов, не знает о жизни в СССР и о советской политике, становятся понятными причины той ожесточенности, с которой «революционные учащиеся» устраивали погромы памятников советско-китайской дружбы.

Изменения политики КПК, происшедшие от VIII съезда КПК до его XI пленума, рекламируются ныне как «важнейший вклад в марксизм-ленинизм».

Удалось ли лидерам КПК довести до конца свое «воспитание»?

Во время поездки, пользуясь погожим осенним днем, мы совершили экскурсию на Великую Китайскую стену. Когда-то, много веков назад, китайские императоры вынудили народ возвести это грандиозное сооружение. С помощью стены, протянувшейся по равнинам и горам более чем на тысячу километров, они намеревались отгородиться от всего мира, замкнуться в своей Срединной империи. Ныне стена стала местом экскурсий. Когда мы поднимались по широкой, словно шоссейная дорога, стене, мимо прошел китайский юноша. Неожиданно мы услышали мелодию советской песни. Да, это были «Подмосковные вечера». Песня звучала словно пароль тех дружеских чувств к нашей великой стране, которые не померкли в сердце этого юноши, несмотря на все усилия официальной пропаганды.

Захотелось обернуться и помахать незнакомцу рукой, но в этот момент появилась группа хунвэйбинов, которые шли, размахивая сборниками цитат Мао Цзэ-дуна. Мы поняли, что этого делать не следует.

Нет, не весь Китай безвольно кружится в водовороте «культурной революции». Годы народной власти, социалистического строительства и расширения международных контактов, когда голосу огромной страны с вниманием и уважением внимал мир, не прошли даром для миллионов китайцев. В первую очередь это относится к представителям китайской молодежи, получившим образование в Советском Союзе и других социалистических странах, где они на собственном опыте могли убедиться в пользе сотрудничества, братской помощи и солидарности. Эти люди есть, они живут, думают, и уже самый разгул карательных действий хунвэйбинов подтверждает наличие в стране сил, сопротивляющихся антинародной политике, проводимой нынешним руководством Китая.

КОМСОМОЛЬЦЫ, СПЛАЧИВАЙТЕСЬ!

Столь крутой идеологический поворот, каковым является так называемая «великая пролетарская культурная революция», группе Мао Цзэ-дуна совершить нелегко, как бы долго она его ни готовила. Он связан с ломкой всего прежнего уклада жизни, всех сложившихся в народе представлений о социализме, о Советском Союзе.

Несколько лет назад в Москву пришло письмо двух китайских комсомолок с просьбой помочь им приехать на учебу в Советский Союз. Им было по 16 лет, обе жили в городе Гуанчжоу, родители их были членами КПК. Девушки писали: «Мы знаем, что знания — это сила, что это основной капитал, необходимый для строительства социализма и коммунизма. Как говорил Ленин, нельзя стать настоящим коммунистом, не овладев всей суммой знаний, которые создало человечество. Чем старше мы становились, тем упорнее учились. Мы очень любим читать... Особенно мы любим советские книги. Из этих книг мы узнаем много нового и интересного. Узнали о честности, храбрости и силе советских людей, об их стремлении к миру. Мы узнали, что советские люди готовы помочь и поддержать людей доброй воли любой национальности из любого уголка земного шара. Мы никогда не забудем советских героев, отдавших свои жизни в борьбе с оплотом азиатского фашизма — Японией за освобождение нашей родины. Мы также не можем забыть славных советских специалистов, оказывавших нам братскую бескорыстную помощь в различных уголках нашей страны. Каждый раз мы вспоминаем об их труде, вспоминаем родину, которая воспитала их, — Советский Союз...»

События, происходящие сейчас в Китае, вызвали небывалый антикоммунистический пропагандистский бум в империалистической печати. Запад пытается максимально использовать китайскую «культурную революцию» для компрометации научного социализма, пролетарской политики. Авантюризм китайских лидеров империалисты пытаются выдать за «некто-

рые закономерности» развития социалистического строя. Но все коммунисты, все подлинные марксисты-ленинцы мира решительно отмежевываются от «теории» и методов нынешнего руководства КПК, не имеющих ничего общего с подлинным социализмом. И самый большой ущерб эти «теории» и «методы» наносят интересам китайского пролетариата и трудового крестьянства.

Какой бы демагогией группировка Мао Цзэ-дуна ни прикрывала свои антисоциалистические, контрреволюционные действия, она неизбежно встречает стихийное сопротивление даже со стороны обманутой молодежи.

Весьма красноречивая оценка происходящей ныне «культурной революции» прозвучала, например, в листовке учащихся 3-й средней школы того же города Гуанчжоу. Касаясь налетчиков, атакующих руководящие партийные органы, авторы листовки пишут: «Эти вредители, эти звери фактически хотят оклеветать городские и провинциальные комитеты... Они провоцируют некоторых людей на выступления, вытаскивают на улицы ответственных партийных работников, зверски избивают их, заставляют становиться на колени, по десять с лишним часов не дают ни капли воды, ни горстки риса. Такие действия являются проявлением их глубоко врезавшейся ненависти к партии и социализму. Это классовая ненависть. Провальные революционные поколения отдавали свои жизни и жертвовали всем, чтобы наше поколение могло улыбаться, радоваться жизни. После освобождения они самозабвенно трудились ради счастья нашего поколения. И вот сейчас какие-то негодяи творят вещи, которых не мог сделать враг с оружием в руках». Свою листовку школьники из Гуанчжоу озаглавили «Клятва председателя Мао», а в самом тексте то и дело ссылаются на его цитаты. Возможно, это соблюдение нормы, требуемой для того, чтобы вывесить листовку. Но не исключено и то, что авторы листовки еще недостаточно четко уяснили, чей приказ выполняют налетчики.

Стихийный протест некоторых групп молодежи (главным образом молодых рабочих и учащихся школ производственного обучения) нередко выражается

в протестах против роспуска КСМК. Например, одна из комсомольских ячеек города Гирина выпустила листовку: «Коммунистическая партия в 1922 году официально создала комсомол. За 44 года революционные члены комсомола, следуя за партией, прошли долгий революционный путь, прошли годы, полные суровых испытаний... Мы ни в коем случае не снимем комсомольские значки. Нельзя распускать революционные ячейки, надо продолжать борьбу. Революционные комсомольцы не должны отказываться от членства в КСМК. Выбрасывать значки — значит повернуться спиной к революции. Товарищи революционные комсомольцы! Действуйте, сплывайте, смело боритесь!.. Однако есть люди с задней мыслью, намеренные ловить рыбу в мутной воде, которые утверждают, что в комсомоле нет ничего хорошего, и разнузданно требуют распустить комсомол. Эти темные замыслы надо решительно сорвать!»

Здоровые силы молодого поколения КНР особенно заметны в среде рабочей молодежи, которая в наибольшей степени испытывает влияние старшего поколения китайского пролетариата.

События последнего времени в Китае вызывают искреннее сожаление у всех, кому дорога судьба народа и молодежи Китая. Политика группы Мао Цзэдуна, поставившей себя над жизненными интересами своего народа, над интересами социализма, международного рабочего и освободительного движения, не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Советская молодежь с пониманием относится к истине трагическим испытаниям, которые выпали на долю ее китайских сверстников, она будет всегда верна светлым идеалам советско-китайской дружбы.

Ленинский комсомол, полностью поддерживая постановление декабрьского Пленума ЦК КПСС «О международной политике СССР и борьбе КПСС за сплоченность коммунистического движения», считает необходимым решительно разоблачать антиленинские взгляды китайских руководителей, последовательно бороться за сплочение молодежи социалистических стран на принципиальной основе марксизма-ленинизма.

Мы покидали Китай. За решетками станционных вокзалов и полустанков бушевали хунвэйбины под бой гонгов и барабнов, под бесконечную и надоевшую всем мелодию «В открытом море не обойтись без кормчего», под стоголосую декламацию цитат Мао. «Три года трудностей — 10 тысяч лет счастья», «Можно лишиться головы и пролить кровь, но нельзя потерять идеи Мао!» — кричали огромные иероглифы на стенах.

Все эти картины до сих пор свежи у каждого из нас в памяти. Но еще больше запомнились глаза: умные глаза убежденного сединой рабочего на автомобильном заводе в Нанкине, смеющиеся и чистые глаза китайских девушек, которые проводили нас в Шанхайский горком комсомола, строгие глаза солдата.

В этих глазах мы не видели ненависти. В них были озабоченность и надежда. Ведь под удар поставлены сегодня революционные завоевания Китая, его внутренняя целостность и стабильность, его международный авторитет.

«Великая пролетарская культурная революция», «великая пролетарская культурная революция» — пестрят до сих пор все страницы китайских газет.

Но разве эту маскировку чуждой марксизму-ленинизму политики можно назвать пролетарской, когда опьяненные безнаказанностью юнцы громят партийные комитеты, избивают рабочих и крестьян, объявляют преступлением заботу о жизненных интересах рабочего класса и всех трудящихся?

Разве ее назовешь культурной, когда рушатся памятники, отрицаются культурные ценности, которыми веками восхищается мир, преследуется интеллигенция, представители которой ставят под сомнение идеи и непогрешимость Мао?

Разве назовешь революцией события, когда уже мир не раз убеждался в пренебрежении к правам и достоинствам других народов, когда последними словами и грязью вопреки всяким нормам революционной солидарности обливают целые партии

и их руководителей, которые не проявляют рабочего преклонения перед мыслями и деяниями Пекина?

Об этом думали мы, когда в последний раз китайский пограничник, раскрыв наши краснокожие паспорта, пристально вглядывался в наши лица.

3

*Елисеев Геннадий Павлович, Крушинский
Андрей Сергеевич, Милотенко Владимир
Борисович.*

КРИЧАЩИЕ БАТАЛЬОНЫ. М., «Молодая
гвардия», 1967.
128 с.

Редактор *Э. Аристова*
Художник *Б. Федотов*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Л. Курлыкова*

Сдано в набор 22/VIII 1967 г. Подписано к печати 22/XI 1967 г. А14904. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 3. Печ. л. 4 (усл. 6,72). Уч.-изд. л. 6,5. Тираж 50 000 экз. Цена 19 кол. Б. З. № 61, 1967 г., п. 1. Заказ 1885.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

19 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ